

*Библиотека
Феничева И.В.*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М. П. ГРЯЗНОВ

АРЖАН
ЦАРСКИЙ КУРГАН
РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Работа посвящена описанию раскопок тувинского кургана Аржан (VIII—VII вв. до н. э.), произведенных в 1971—1974 гг. Дается общая характеристика полученного материала, реконструируется сложный ВО гребальный обряд, анализируются особенности памятника, что ио:ш<>.[Я< я по-новому оценить значение исследований царских захоронений скифского времени как исторических источников и заново пересмотреть вопросы происхождения и сложения скифо-сибирских культур.

Книга рассчитана на археологов, историков и всех интересующихся далеким прошлым нашей страны.

Ответственный редактор
А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ р. УЮК

Енисей течет, пересекая целую цепочку степных котловин. Начало он берет в обширной котловине, называемой Тувинской; отделенную от нее Уюкским хребтом Турано-Уюкскую котловину огибает, обходя с запада, где, рассекая гряды горных хребтов Западного Саяна, выходит на просторы большой Минусинской котловины. Затем, пройдя через Косинский хребет, попадает в Сыдо-Ербинскую котловину. Далее, прорезая Батенёвский кряж, течет по Чулымо-Енисейской котловине (третья по величине). Последнюю, Назаровскую котловину, расположенную за Солгонским кряжем, крайним отрогом Восточного Саяна, он минует, отклонившись на восток.

Среди всех этих котловин Турано-Уюкская самая высокая (около 1000 м над ур. м.) и самая холодная. Она богата пастбищами. Лучшие зимние пастбища находятся в долине р. Уюк, в районе пос. Аржан. Здесь в широкой заболоченной долине реки много тростников и высоких трав, которые не покрываются полностью снегом и могут использоваться зимой как пастбища для крупного рогатого скота, а обдуваемые сильными ветрами относительно пологие склоны гор остаются совсем без снега и служат пастбищами для конских табунов и овечьих стад. В горах Алтая цепочки огромных каменных курганов, воздвигнутых над могилами племенных вождей скифского времени, расположены в долинах с прекрасными зимними пастбищами, где раньше находились зимовки богатых баев и зайсанов, а теперь размещаются крупные животноводческие совхозы. Очевидно, и в Туве в наиболее богатых зимними пастбищами степных долинах располагались зимовки и фамильные кладбища племенной знати скифского времени.

Таковой была и долина р. Уюк в районе поселков Аржан и Тарлык — «долина царей». Здесь сосредоточено большое количество цепочек курганов крупного размера, какие обычно оказываются могилами родовых и племенных вождей. Цепочки же представляют собой их фамильные кладбища. На схеме долины р. Уюк (рис. 1) цепочки указаны в ряде пунктов к западу от поселка; есть они и восточнее его.

Пункт 4 — в 1 км к западу от поселка. Цепочка состоит из шести курганов. Три небольших окружены каждый неполным кольцом каменных круглых выкладок, отстоящих от кургана на расстоянии от 20 до 70 м. Курганы земляные, диаметром 40—50 м, высотой 1.5—3.5 м.

Пункт 5 — в 4 км к западу от поселка. Цепочку составляют 11 больших и малых земляных курганов. Семь наиболее крупных из них достигают в диаметре до 30—50 м.

Пункт 6 — в 6 км к западу от поселка. Три больших кургана расположены цепочкой, как и все другие в долине, по направлению с запада на восток. В земляной насыпи видны детали каменных конструкций.

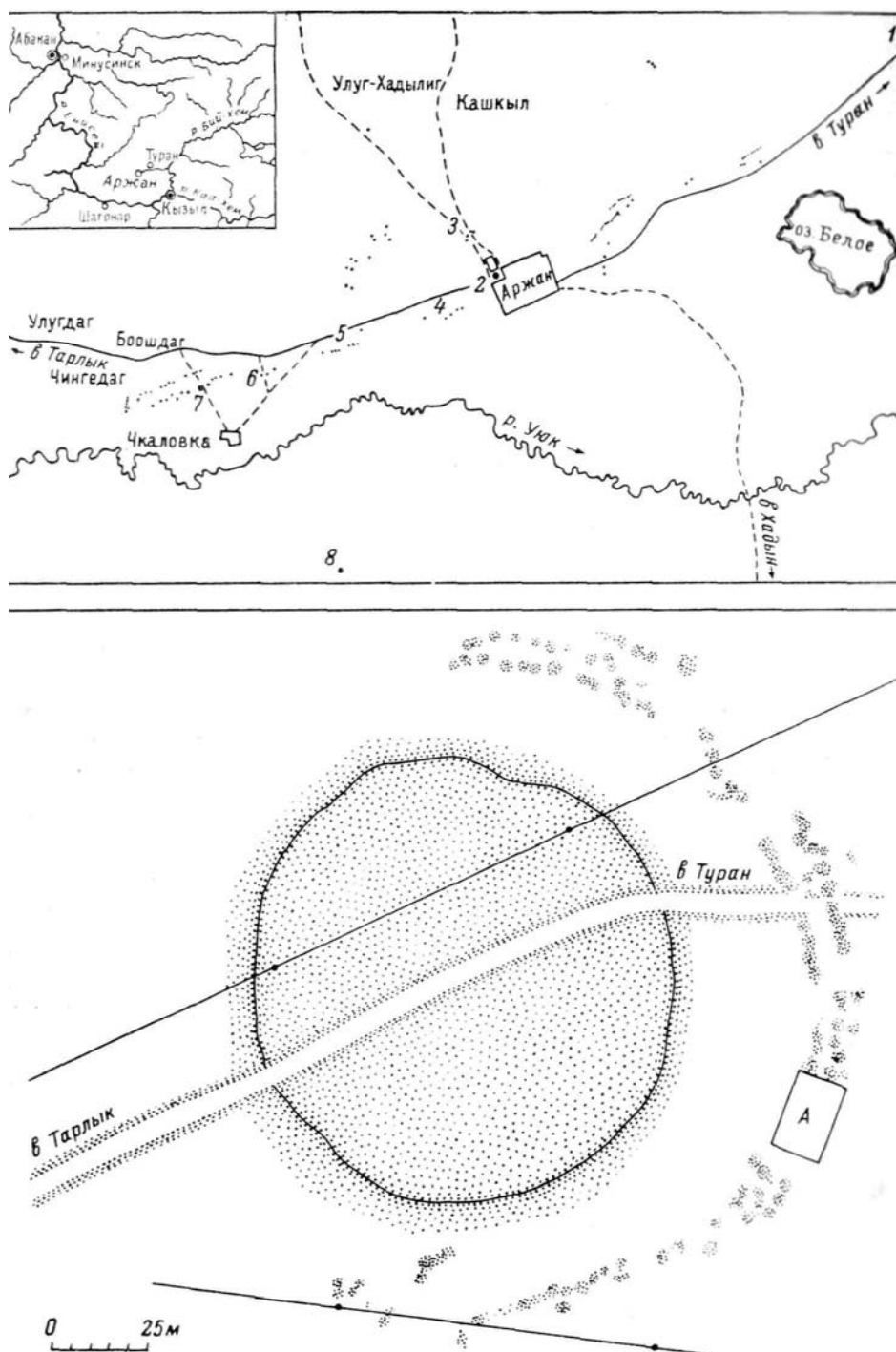

Рис. 1. План расположения курганов в долине р. Уюк и план кургана Аржан до раскопок.
 Цифры — номера курганов и курганных групп; А — раскоп на поминальнике.

С южной стороны курганы дугой огибают круглые каменные выкладки. Диаметр их 50—75 м, высота 2—6.5 м.

Пункт 7 — две параллельные цепочки земляных курганов около пос. Чкаловка. В одной из них 13 больших курганов, в другой — 12. Общая протяженность цепочек около 3 км. Наибольший курган, раскопанный в 1916 г. А. В. Адриановым, был высотой более 8 м.

Совершенно особое место занимают три одиночных кургана (1, 2, 8). Они отличаются от всех остальных по форме и положению на местности. Это очень большие по площади, но невысокие курганы, имеющие вид круглой просторной платформы, сложенной из чистого камня или из камня с землей. Все три разбираются строителями на камень. У всех трех под камнем обнаружены верхние части деревянных срубов (рис. 1).

1. На левом берегу р. Уюк, в 9 км к востоку от пос. Аржан, слева у дороги на Туран. Диаметр 80 м, высота 1.5 м. Совершенно плоский, поверхность задернована. По периферии во многих местах обезображен выемками, образовавшимися в результате добычи здесь камня строителями. Бульдозеристы говорят, что они в ряде мест задевали ножом бревна.

2. Также на левом берегу р. Уюк, на окраине пос. Аржан, на дороге Туран—Тарлык.¹ Диаметр 120 м, высота до разборки на камень 3—4 м. Сложен из чистого камня. Это курган Аржан.

8. На правом берегу р. Уюк, в 3.5 км юго-восточнее пос. Чкаловка. Расположен на краю невысокой надпойменной террасы у самого болота (северные борта его насыпи соприкасаются с болотом). Диаметр 105 м, высота около 1 м. Плоский, поверхность задернована. Обезображен многими выемками при добыче в нем строительного камня.

Это совершенно своеобразные курганы. Аналогии им по форме и строению в Туве неизвестны.

КУРГАН АРЖАН ДО РАСКОПОК И ЕГО РАСКОПКИ

Аржан — самый большой по диаметру курган в Туве.² В недавнем прошлом он имел, как уже указано, диаметр 120 м, высоту 3—4 м. По рассказам местных жителей, а также по сообщению осматривавших его В. Ф. Дерпгольца и Л. Р. Кызласова,³ курган состоял из чистого камня, поверхность его была блюдцеобразной: высота по краям 3—4 м, плоская середина несколько ниже. В центре, в углублении, находился родник, уровень воды в котором был на 2.5 м выше поверхности окружающей степи (на 5 м выше уровня воды в колодце, вырытом в 150 м от кургана). Вода в нем, по словам очевидцев, была очень чистой, прозрачной, а, по определению Дерпгольца, она «ультрапресная» (62 мг/л). Дерпголец отметил на плане кургана более десятка воронок диаметром 0.5—2 м, глубиной до 1 м. Примерно в центре кургана он застал еще фундамент часовенки (*хуре*). Склоны кургана были крутыми.

Родник считался у тувинцев священным. Его целебной водой пользовались широко. Приезжали за ней издалека. Около родника стояла часовенка. Святилище существовало до 20-х годов нашего столетия. Здесь

¹ Пос. Аржан свое наименование получил по кургану, около которого находится. Не так давно он был переименован в пос. Совхоз-Уюк. Так он и на картах отмечался. Но название это к нему не прижилось, и теперь снова поселок именуется Аржаном.

² Называют курган и Улуг-Хорум («Великий курган»).

³ Дерпголец В. Ф. Древнее сооружение Тувы — конденсатор паров наземной атмосферы. — Природа, 1964, № 8; Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — Сов. археол., 1960, № 3.

устроивались религиозные празднества (*надам*), на которые съезжался народ, молились, а затем проводились состязания в борьбе и скачки на конях. Возможно, почитание памятника связано не только с источником воды, но и с сохранявшейся на протяжении тысячелетий памятью о погребенном в этом месте герое исторических преданий.

При первом посещении автором кургана Аржан в 1961 г. родника с чистой водой на нем уже не было. Значительная часть камня с поверхности была разобрана на строительные нужды. Высота кургана нигде не превышала 2—2.5 м. Особенно интенсивно стали разбирать камень на стройки в последнее десятилетие перед началом раскопок.

В 1971 г., к моменту раскопок, курган представлял собой обширную плоскую платформу, пологие края которой были задернованы, а неровная поверхность, возвышавшаяся на 1 —1.5 м над окружающей степью, изрыта бульдозером. Повсюду виднелись задетые ножом бульдозера бревна, расположенные в разных направлениях. В нескольких местах, где выступали как бы углы срубов, кем-то делались попытки прорубить бревна или прожечь их, чтобы проникнуть внутрь сооружений. Но везде толстые лиственничные бревна были крепки (не поддавались топору) и мокры (не поддавались огню). Через курган, по его середине, была проложена шоссейная дорога, идущая из Турана через Аржан в Тарлык (рис. 1, *внизу*).

Когда стало известно, что в кургане Аржан обнаружались какие-то деревянные конструкции, Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) было поручено М. Х. Маннай-оолу осмотреть памятник, после чего по согласованию с Институтом археологии АН СССР была создана экспедиция для исследования этого, как предполагалось и как оказалось в действительности, замечательного кургана. Вся организационная работа по исследованию кургана осуществлялась ТНИИЯЛИ. В первые два года раскопки велись на средства, выделенные ТНИИЯЛИ и Тувинским краеведческим музеем. Ввиду огромных размеров памятника и сложности его работ потребовались дополнительные средства. В финансировании работ на кургане с 1973 г. приняли участие Ленинградское отделение Института археологии, а с 1974 г. и Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Начатые в 1971 г. раскопки удалось полностью завершить в 1974 г. (рис. 2, 1).

Начальником экспедиции был назначен М. Х. Маннай-оол, научным консультантом и руководителем раскопок — автор. Кроме того, в раскопках постоянно принимали участие М. Н. Комарова, архитектор Л. Н. Баранов,⁴ реставратор О. Л. Пламеневская. В составе экспедиции эпизодически работали также научные сотрудники Е. Ш. Байкара, А. А. Иванова, В. Ю. Лещенко, аспиранты Н. А. Аванесова, Е. И. Захариева, И. К. Кидиекова, археологи Н. Ф. Лисицын, М. Ю. Ядова, студенты-археологи Н. А. Боковенко, Е. Л. Немировская. Рабочими были в основном школьники старших классов. Ядро их — школьники г. Кызыла, организованные в трудовой летний лагерь. Всего же работало до 50—60 человек одновременно.

Камень, землю, древесные материалы рабочие относили на носилках и в тачках на полотно шоссейной дороги и на другие прилегающие к раскопу площадки, откуда бульдозером все это оттаскивалось за пределы кургана в три пункта, где образовалось нечто вроде терриконов — кучи высотой до 4—5 м. На курган постоянно приезжали строители с самосвалами, экскаваторами и, по нашему указанию, забирали камень для строительных и дорожных работ.

Поскольку курган имел огромные размеры и почти по всей его поверхности виднелись верхние части каких-то бревенчатых сооружений, было

⁴ Все чертежи в данной книге выполнены Л. Н. Барановым.

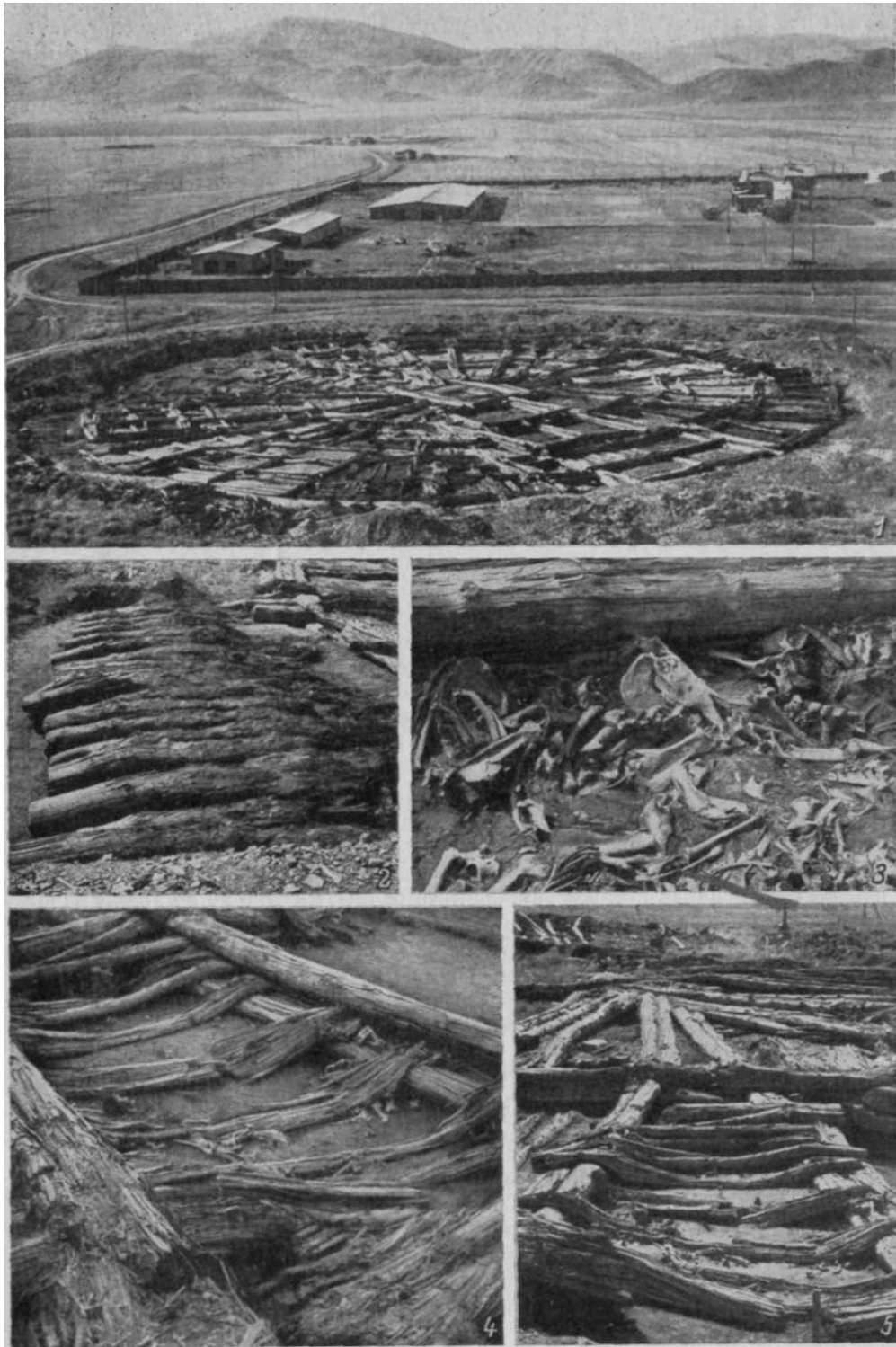

Рис. 2. Курган Аржан по окончании раскопок.

1 — общий вид; 2 — откос около камеры 7; 3 — захоронение коней в камере 3, вид с северо-востока; 4 — камера 266 после снятия потолка; 5 — то же после снятия верхних венцов сруба, вид с востока — северо-востока.

ясно, что за первый полевой сезон нам удастся раскопать лишь небольшую часть, а так как механизировать работы невозможно, то надо сразу же расчищать деревянные конструкции. Мы наметили исследовать в первом году более или менее широкую полосу, которая прошла бы в широтном направлении через весь курган по его центру.

Начали работу с того, что около приблизительно определенного центра кургана убрали с небольшой площади весь камень, но трогая остатков дерева. При этом оказалось, что мы попали на углы двух срубов. Один сруб (камера 1; рис. 3) находился в основном под полотном шоссейной дороги. Первоначально открыли только его юго-восточный угол. Вскрытие сруба было приостановлено, чтобы сохранить на время работ шоссейную дорогу. Второй сруб (камера 2) освободили от камня по всему периметру. На расчищенной площади отчетливо возвышались стены сруба. Верхняя часть сооружения представляла собой рыжую, сильно увлажненную аморфную массу гнилого дерева. Такая же расчистка была произведена затем со всех сторон за пределами сруба до появления стен соседних срубов. И лишь тогда началась зачистка деревянных конструкций. Удалялись продукты разложения и оставлялись на месте нетронутыми те части гнилого дерева, у которых уцелела волокнистая структура; по ним можно было определить положение их в конструкции сооружения. В связи с тем что верхние ряды бревен сохранились очень плохо или же вообще не сохранились, необходимо было оставлять на месте даже небольшие фрагменты бревен. После фотографирования и вычерчивания на планах и разрезах всех наблюдаемых остатков покрытия срубов они убирались и производилась зачистка внутреннего содержимого. Так исследовались и все остальные срубы.

Как только было зачищено покрытие сруба камеры 2 и открыт угол сруба камеры 1, где виднелись угол малого внутреннего сруба и выброшенная, возможно, из него бедренная кость взрослого человека, стало ясно, что камера 1 являлась центральной и в ней находилось захоронение человека, что курган ограблен. Это дало возможность правильно ориентироваться и вести дальнейшие раскопки планомерно. Мы стали открывать один сруб за другим в направлении на восток.

Открываемые бревна срубов под действием солнца и ветра быстро ращеплялись на волокна, превращались в бесформенную массу параллельных длинных древесных волокон (рис. 2, 2). Чтобы предохранить дерево от расслаивания, мы держали его открытым только во время работ на данном участке, а затем закрывали полиэтиленовой пленкой до тех пор, пока не заканчивалось фотографирование (на это ушло около 200 м пленки 3-метровой ширины) и вычерчивание на планах и разрезах. Другая мера сохранения бревен сруба во время работ — использование досок, по которым участники экспедиции ходили, носили тяжелые носилки и возили тачки.

Большие трудности представило вычерчивание планов расположения костей лошадей в срубах. В огромном количестве заполнявших камеру костей, казалось, невозможно разобраться. Можно было лишь видеть, что в срубах лежат не отдельные кости, а целые скелеты, что лежат они рядами, головой на запад. Нам стало ясно, что обычная зарисовка конских захоронений в данном случае нецелесообразна. Мы решили убрать ребра и позвонки, которые были сильно смещены и перемешаны, и сохранить только крупные кости, черепа и те из мелких, которые уцелели в сочленениях. На месте остались, как правило, череп коня и относящиеся к нему кости передних ног, а на некотором расстоянии — тазовый пояс и кости задних ног. Только таким путем и удалось воссоздать картину расположения скелетов в камерах 3 и 5. Точного расположения скелетов в камере 2 все же не смогли установить из-за сильного перемещения их под давлением редко расположенных бревен нижнего потолка, о чем речь пойдет ниже. На чертеже камеры 3 (см. рис. 17, *справа*) линии, соединяющие

переднюю и заднюю части скелета коня, ориентированы в соответствии с ориентировкой скелета.

В первый сезон работ, в 1971 г., были исследованы центральный сруб, содержащий захоронения «царя» и сопровождавших его людей и верховых коней (камера 1), и два радиальных ряда срубов, расположенных восточнее центрального (камеры 2—7), расчищены прилегающие с запада к центральному срубам части срубов 11 и 12. В трех срубах (камеры 2, 3 и 5) находились массовые захоронения верховых коней. Кроме того, к востоку от сруба 7 раскрыта крепида каменной насыпи кургана на протяжении 17 м. Наконец, исследованы каменные выкладки, окружавшие курган с трех сторон. Был заложен раскоп 20X13 м. Обнаружены развалы 21 поминальной каменной оградки.

В следующем, 1972 г. исследовались три радиальных ряда срубов, направленных к югу от центрального (камеры 13—21), и два сруба, примыкавших к его северной стене (камеры 8 и 9). Около камеры 15 расчищен деревянный откос на протяжении 18 м. В трех срубах находились сильно потревоженные грабителями массовые захоронения верховых коней (камеры 13, 17 и 20); в одном из них вместе с конями погребены четыре человека. Захоронение человека открыто и в камере 9.

Раскопки 1973 г. велись в основном в северной половине кургана. Были вскрыты два кольцевых ряда срубов (камеры 10, 25—37) и срубы «нерегулярной застройки» в юго-восточном и юго-западном секторах (камеры 22—24 и 38). В восточной стороне кургана против камеры 7 расчищен откос на протяжении 10 м, а в северной против камер 34 и 50 обнаружены на небольшом участке (6 м) каменная крепида насыпи и несколько бревен откоса. В трех срубах оказались захоронения верховых коней (камеры 10, 31 и 37); в одном из них погребены также два человека в колодах (камера 31). Захоронения коней находились и в промежутках между срубами 25 и 27 (камера 25а), 26 и 28 (камера 26б), 34 и 35 (камера 34а).

Раскопки 1974 г. были продолжением работ предыдущего года. Сначала вскрывались срубы третьего и четвертого кольцевых рядов в юго-восточном секторе (камеры 39—44), затем — срубы третьего ряда в северо-восточном и северном (камеры 45—53), наконец, срубы второго, третьего и четвертого рядов в западном секторе сооружения (камеры 54—70; здесь находились четыре кольцевых ряда срубов). На небольших участках были расчищены также бревна откоса около камеры 43 с юго-восточной и камеры 54 с северо-западной сторон сооружения. В срубах периферийного кольцевого ряда (камеры 42—61), во втором и третьем кольцевых рядах западной части (камеры 62—70) никаких погребений не встречено, кроме одного случая: в промежутке между срубами 11 и 68 обнаружены остатки захоронений двух верховых коней (место находки их ниже обозначено как «камера 68»).

МОГИЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ

Насыпь кургана сложена в основном из бутового камня среднего размера, весом 20—50 кг, длиной 20—40 см. Такие камни взрослый мужчина без особого труда может поднять и перебросить, может навьючить на коня. Но есть и более крупные, которые можно лишь кантовать и перевозить на волокушах или с помощью других транспортных средств. Есть и мелкие камни. По всей площади кургана находится довольно много речной гальки. Какого-либо порядка в залегании и расположении камней не наблюдается. Только по периферии насыпи прослеживается развал крепиды кургана.

Восточная пола кургана расчищена на протяжении 18 м и в северном конце зачистки прорезана траншеей 10X1 м. Выявилась сложенная из плитняка стена-крепида (рис. 3, а). Сохранилась она лишь на высоту 20—40 см (три-шесть слоев плиток). Плитки небольшие, в редких случаях достигали в длину 70—80 см. Плитняк — хороший строительный материал, поэтому увозившие с кургана камень строители особенно усердно разбирали крепиду, разрушая ее почти до основания. Другой участок крепида был расчищен с северной стороны кургана (против камеры 50) на протяжении около 6 м. Как и на восточной стороне, она здесь сложена из плитняка, но сохранилась значительно хуже, на высоту не более 30 см.

Почти по всей окружности кургана среди развала камней есть участки, как бы вымощенные плотными рядами поставленных на ребро плит. Это обвалы, что хорошо видно на поперечном разрезе через крепиду в 10-метровой траншее. Судя по положению повалившегося плитняка относительно крепида, высота последней была не менее 2.5 м. Крепида ограничивает площадь диаметром около 110 м. Очевидно, первоначально курган представлял собой обширную круглую каменную платформу, плоскую, с отвесными стенами, высотой до 3—4 м, диаметром 110 м.

Основная площадь кургана занята большими бревенчатыми срубами совершенно необычного типа, неизвестного по другим археологическим памятникам. Они поставлены прямо на землю, но под тяжестью уложенной поверх них огромной массы камня вдавились в почвенный слой на глубину до 30 см. Сооружены из толстых бревен диаметром в средней части около 30 см, на комлевом конце — 50—60 и даже до 85 см. Форма и размеры срубов различны в зависимости от их положения в общей конструкции: в центре они меньше, в плане имеют форму высокой трапеции; на периферии — больше, а форма — широкая трапеция (рис. 3).¹ Внутренняя площадь срубов от 15—20 до 150 м². И, собственно, это не срубы, а четырехугольные камеры, образованные сложенными клетью бревнами. В нижнем венце находится обычно по одному самому толстому бревну, во втором — по два-три бревна рядом, в верхнем — по три-четыре (рис. 4, 18). Стены срубов не прямые отвесные, а расширяющиеся кверху, не сплошные, а с просветами между бревнами, равными толщине бревна. Срубы сложены в три-четыре венца. На уровне последнего венца уложен плотный накат бревен — потолок. Общая высота срубов, вероятно, была 2.4—3 м, полезная высота внутри сруба соответственно 2.1—2.8 м. В некоторых случаях (камеры 2, 5 и др.) устраивался еще один бревенчатый накат — на уровне второго венца. Бревна его укладывались не так плотно, как верхнего, и в поперечном к нему направлении. Полезная высота камер в таких срубах была всего лишь около 80—90 см.

Срубы-клетки сооружены из окоренных, ровных, как правило, хорошо заглаженных бревен. На углах лишь в редких случаях сделаны небольшие вырубki для выравнивания стен и потолков. Обычно же бревна укладывались в углах одно на другое без подгонки. Не подгонялись они и по длине. Почти всегда бревна были длиннее стен и концы их выходили далеко за габариты сруба, иногда на 3—4 м (рис. 4 и др.). Благодаря этому коридорообразные промежутки между срубами шириной 1—2 м оказались везде перекрытыми таким же плотным потолком, как и срубы. Вся нижняя половина насыпи кургана была, таким образом, деревянной, высотой 2.5—3 м, покрытой сплошным плотным потолком. Она представляла собой круглую платформу диаметром около 80 м, площадью примерно 5000 м².

На плане все срубы пронумерованы — всего 70 номеров. Однако эта число неточное, так как конструкция деревянного сооружения кургана не была строго выдержанной: есть срубы с перегородками, делящими их на две, четыре и шесть камер; есть с пристройками. В некоторых случаях первоначально обозначенное нами как один сруб строение оказывалось

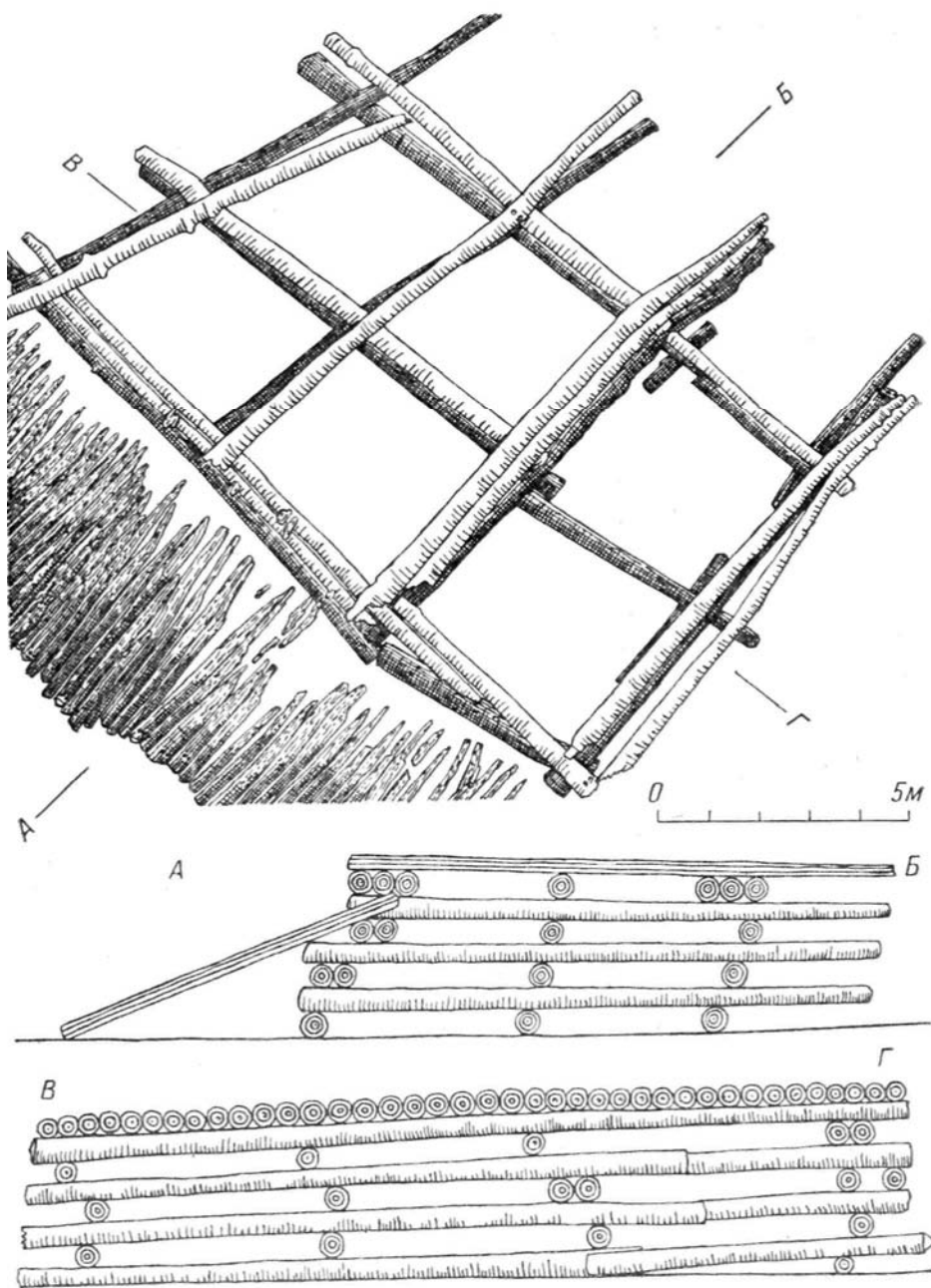

Рис. 4. Камера 15. План и разрез-реконструкция.

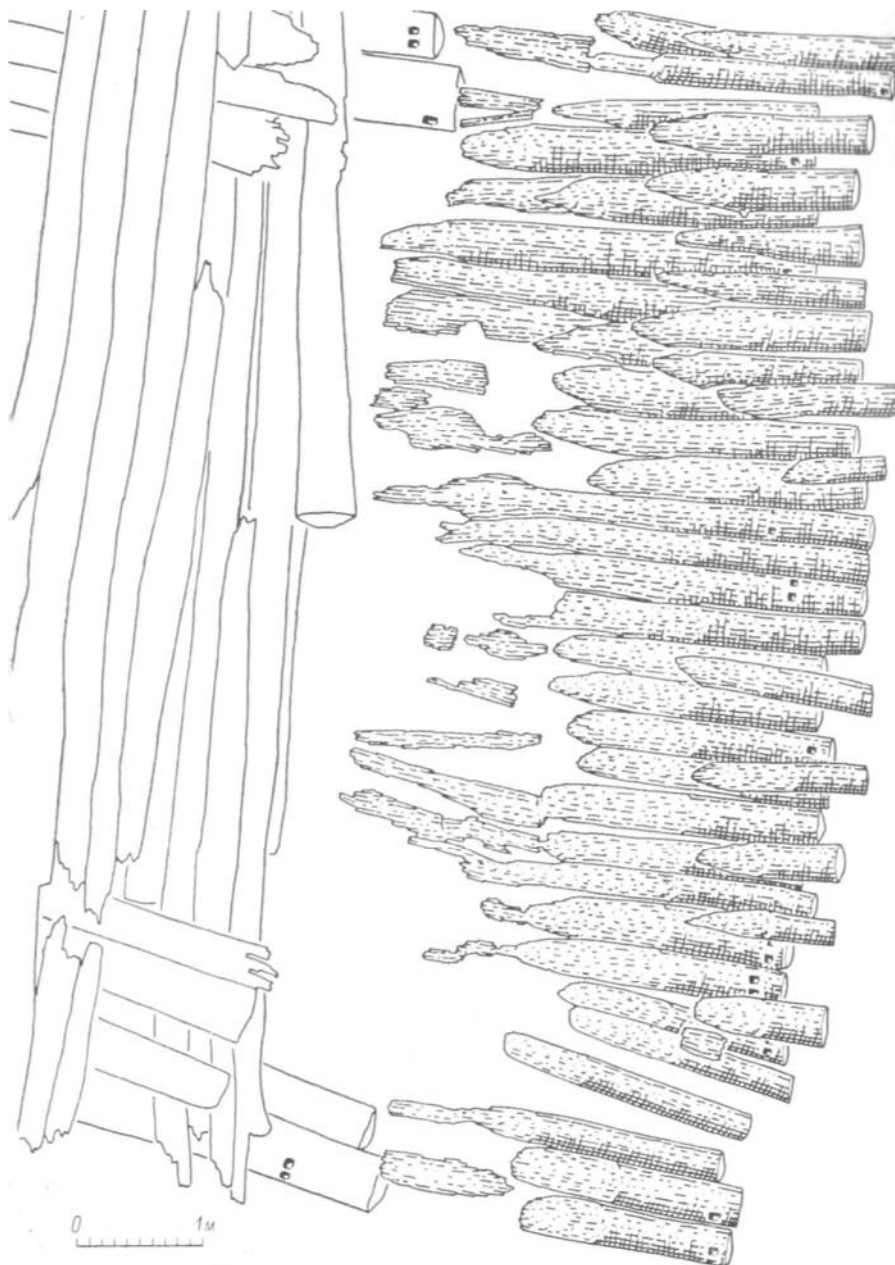

Рис. 5. Откос у камеры 7.

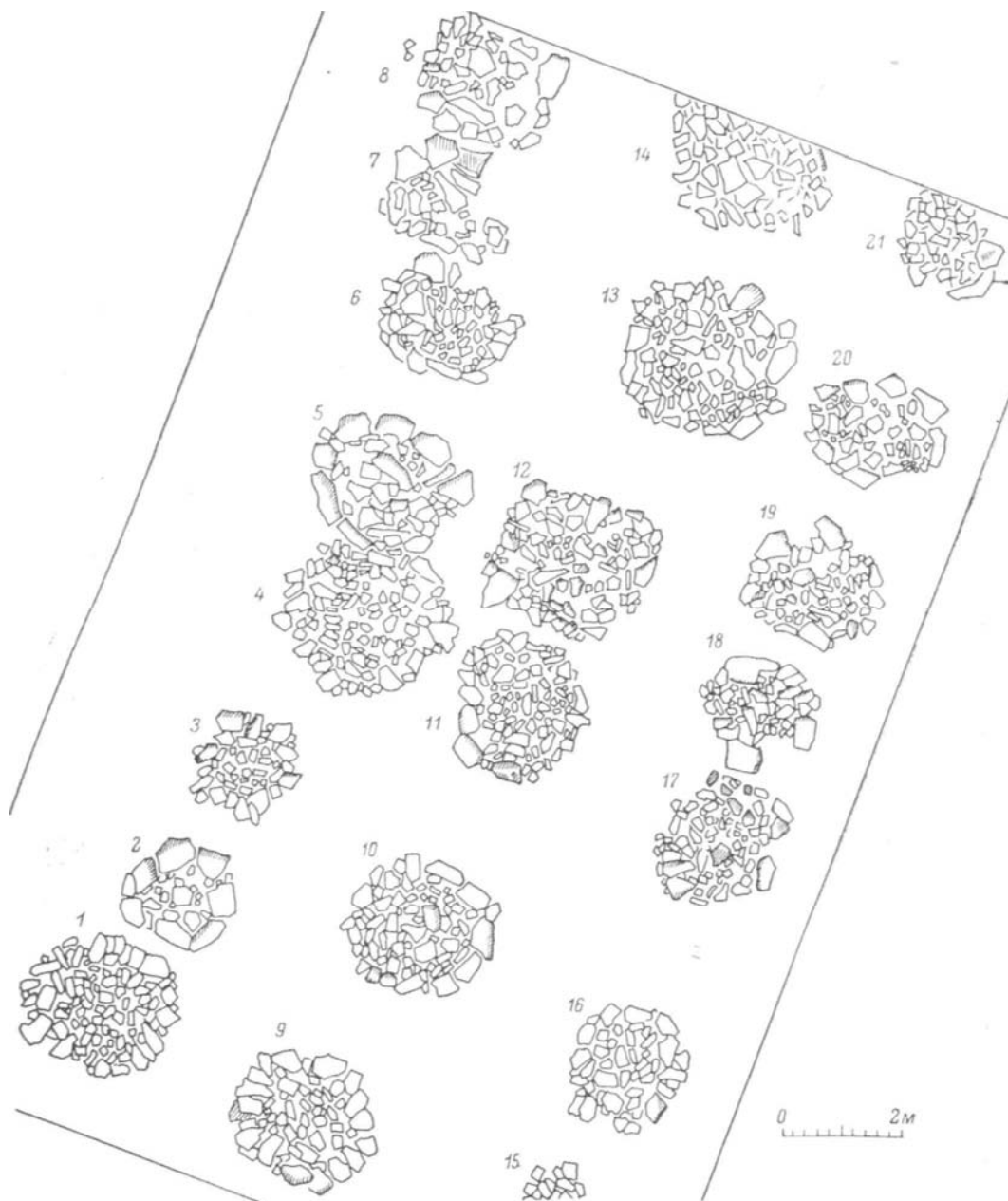

Рис. 5 (продолжение). План поминальника в раскопе А.
Цифры — номера поминальных оградок.

двумя срубами, поставленными вплотную один к другому. Имеются места, где вообще нельзя было установить границы срубов, например камеры 22—24 в юго-восточном секторе сооружения. Все же можно сказать, что отдельных срубов, больших и малых, площадью от 15 до 130 м², было около 70, а камер, если таковыми считать замкнутые бревенчатыми стенками четырехугольные участки площадью 15—60 м², — немногим менее сотни.

Бревенчатые сооружения Аржана не являются срубами в полном смысле слова. Они не срубались. Бревна каждого последующего венца обычно без всякой обработки концов на углах просто укладывались поверх бревен нижележащего. Лишь в редких случаях они иногда немного подтесывались сверху в месте соединения с укладываемыми на них бревнами последующего венца. Да и стен, как мы их понимаем, эти срубы не имели. На два первых бревна, служивших основанием двух параллельных стен сруба, накладывались в поперечном направлении два или две пары бревен, которые были основанием двух поперечных стен. В следующие венцы сруба укладывалось по два-три и до пяти бревен. В разрезе стена имела вид треугольника, обращенного основанием вверх, вершиной вниз. Каждый сруб строился индивидуально, без соблюдения точных размеров и числа бревен в стенах. Нет надобности подробно описывать устройство каждого сруба, на представленных чертежах можно легко в этом разобраться. В следующем ниже описании дается лишь краткая характеристика захоронений в срубах и указываются размеры последних.

Западная часть деревянных сооружений кургана очень плохо сохранилась. Незначительные остатки потолка наблюдались в редких случаях. У многих срубов бревен верхних венцов совсем не обнаружено. Таковы камеры 54—70, исследованные в 1974 г. Также плохо сохранились и примыкающие к ним камеры 11, 12 и 38, расчищенные в 1971—1973 гг. Установить полностью конструкцию срубов было невозможно, поэтому индивидуальные чертежи планов, разрезов и реконструкция их не делались. Они помещены лишь на общем плане кургана.

Конструкция кургана по окончании раскопок выявлена полностью. План всего сооружения строителям кургана и организаторам похорон представлялся, очевидно, лишь в самых общих чертах. Строительство велось в значительной мере стихийно. Несомненно, первым был сооружен центральный сруб (камера 1), где захоронены «царь» и его приближенные. Затем наиболее правильно построены два радиальных ряда срубов к востоку от центрального (камеры 2—7). Здесь поставлено шесть хорошо спланированных больших срубов. По-видимому, одновременно начали строить и другие ряды срубов: три к югу от центрального (камеры 13—21) и три к северу от него (камеры 8—10, 29—37, 48—53). В южном секторе планировка оказалась менее правильной: ближайшие к центру срубы были длиннее, и на их узких концах, обращенных к центру кургана, нет правильных стен. Срубы второго и третьего кольцевых рядов имели разную форму и размеры, не вполне соответствующие плану их размещения по радиальным и кольцевым рядам срубов. Между срубами образовались то тесные, то очень просторные проходы. Противоположные же три ряда срубов северного сектора более равномерно разместились на отведенной для них площади, но для этого пришлось один радиальный ряд разделить на два (камеры 33, 49 и 34, 50), в другом месте сделать к срубам пристройки (камеры 30 и 48а), а в третьем — увеличить число срубов во втором и третьем кольцевых рядах (камеры 35—37 и 51—53).

Оставшиеся свободными треугольные пространства между рассматриваемыми группами срубов заполнялись затем менее правильно поставленными срубами, особенно в юго-восточном секторе. В линии первых двух кольцевых рядов были сооружены лишь какие-то подобию срубов, обозначенные нами как «камеры 22—24», а дальше располагались два ряда небольших срубов, по три в ряду (камеры 39—44). Более правильно за-

строен северо-восточный сектор (камеры 25—28 и 45—47). В западном секторе, заполненном множеством небольших срубов, сохранность дерева оказалась очень плохой. Местами уцелели бревна только нижних венцов, да и то не всегда полностью. Это затрудняло и расчистку срубов, и их графическую фиксацию. Конструкцию каждого сруба, как это сделано для всей остальной части кургана, установить не удалось. Здесь мы насчитали 20 срубов (камеры 11, 12, 38 и 54—70), расположенных в четыре кольцевых ряда, и остались непонятными небольшие участки, где могли быть еще три или четыре сруба.

В общем получилась довольно правильная круглая деревянная платформа, покрытая на высоте 2.5—3 м сплошным бревенчатым потолком и окруженная снаружи наклонной бревенчатой стенкой — откосом. Бревна потолка были длиннее срубов и плотно закрывали собой не только срубы, но и все промежутки между ними. Настлались они почти всюду в радиальном направлении, вершиной к центру кургана, комлем к периферии.

Деревянный откос раскрыт в пяти местах: в 1972 г. около камеры 15 на протяжении 18 м (рис. 4) и в 1973 г. около камеры 7 на протяжении 10 м (рис. 5, *слева*). Кроме того, в 1974 г. около камер 50 и 54 расчищено по несколько бревен откоса, для того чтобы убедиться, что он имеется на всей периферии круглого деревянного сооружения (рис. 3, *в—ж*). Это был ряд плотно прижатых друг к другу коротких бревен, лежащих, как правило, в один слой. Комлевыми концами они обращены наружу, вершинами — к центру кургана. Внешние концы их сохранились хорошо, а внутренние очень плохо. Первоначально бревна откоса несомненно были наклонно прислонены верхними концами к краю потолка и наружным стенам сруба. Благодаря этому деревянное сооружение кургана имело вид круглой платформы высотой около 3 м с наклоненными под углом около 30° наружными стенами (плоский усеченный конус).

МОГИЛА «ЦАРЯ»

Камера 1 — центральный сруб — выделяется среди других не только своим положением, но и правильной квадратной в плане формой; кроме того, тем, что поверх потолка была укрыта слоем каменных плит, а не просто забросана камнями. Она пострадала, вероятно, не только от грабителей, но и при сооружении здесь часовенки, благоустройстве родника и при позднейших захоронениях среди камней кургана. Потолок камеры сохранился настолько фрагментарно, что высота сруба устанавливается лишь предположительно: три венца общей высотой 2.6 м, полезной (внутренней) — 2.2 м. Внутренняя площадь 64 м² (8X8 м).

Посередине центрального сруба находится малый сруб, вчетверо меньший: 16 м² (4.4X3.7 м). У него ровные плотные (без просветов) стены из более тонких бревен (диаметр 20—25 см), рубленных в лапу с остатком (рис. 6). Уцелело 3.5 венца на высоту 1 м, но сруб был несомненно выше. Потолок не сохранился. Внутри сруба на двух слегах (бревнах) настлан гладкий ровный пол из 17 тонких бревен (диаметр 20 см), отесанных сверху примерно на одну треть (рис. 7, *в, г*). На пол поставлен сруб еще меньшего размера, также с ровными плотными стенами, рубленными в лапу без остатка. Стены срубов примыкают одна к другой почти без просвета. Только между восточными стенами образовался промежуток шириной 40 см. Это основная могила центрального сруба — могила «царя» (мог. 1). Вокруг нее вдоль трех стен сруба расположены шесть деревянных колод (мог. 3, 4 и 6—9) и два маленьких срубика: мог. 2 и 5 (рис. 8). Вдоль восточной стены захоронены лошади — кони «царя».

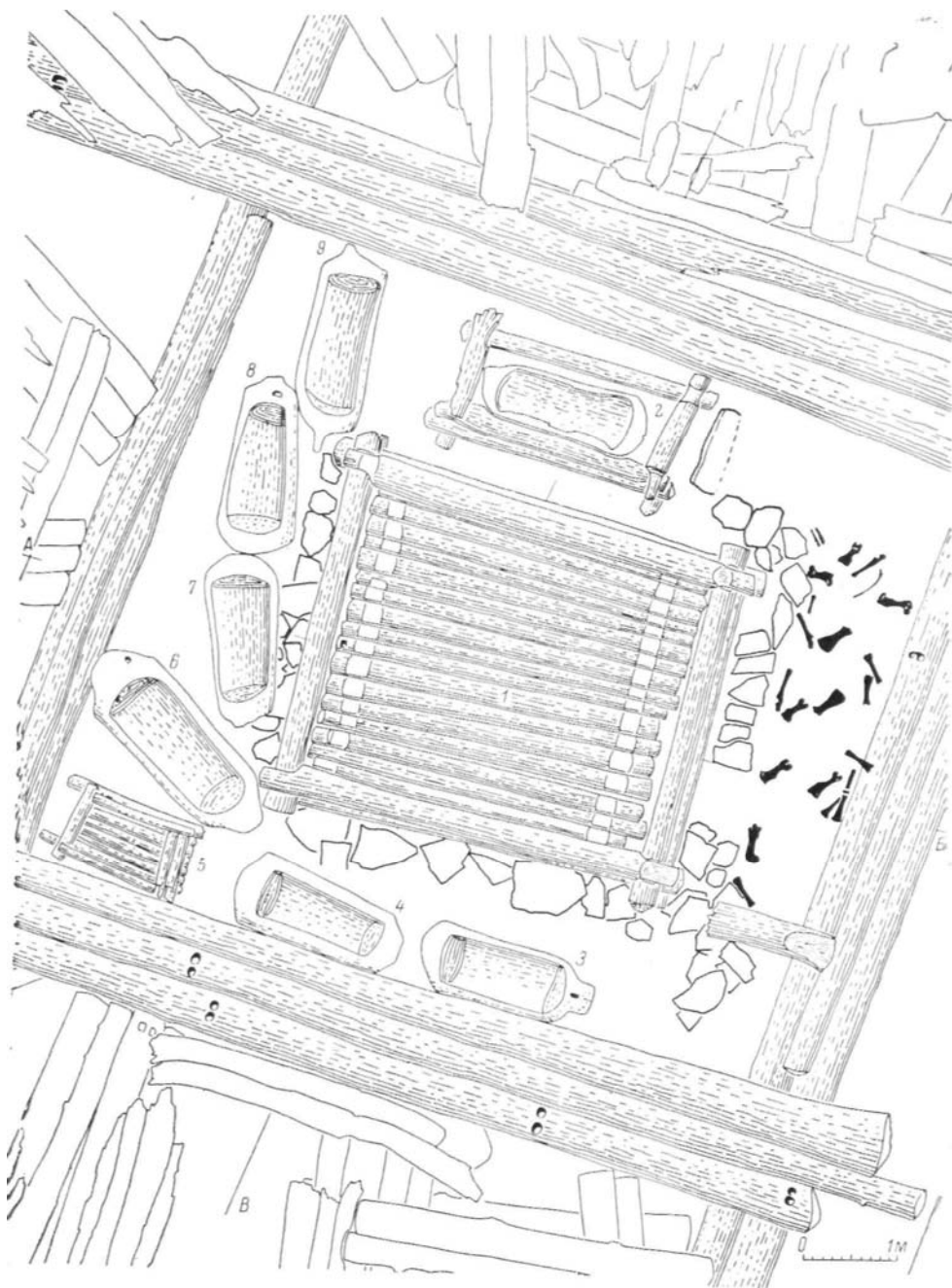

Рис. 6. Камера 1. План.

Цифры — номера могил.

Мог. 1 — сруб с двойными стенами и деревянным полом. Полезная площадь его 8 м² (2.9х2.7 м). Высота осталась неизвестной, так как не сохранились потолок и верхние венцы. Могила полностью разгромлена и опустошена, однако то ничтожно малое, что удалось собрать, позволяет сделать некоторые ценные и интересные наблюдения. Уцелели значительные фрагменты, по-видимому, двух колод (части дна, бортов и крышки), лежавших в широтном направлении. От погребенных людей

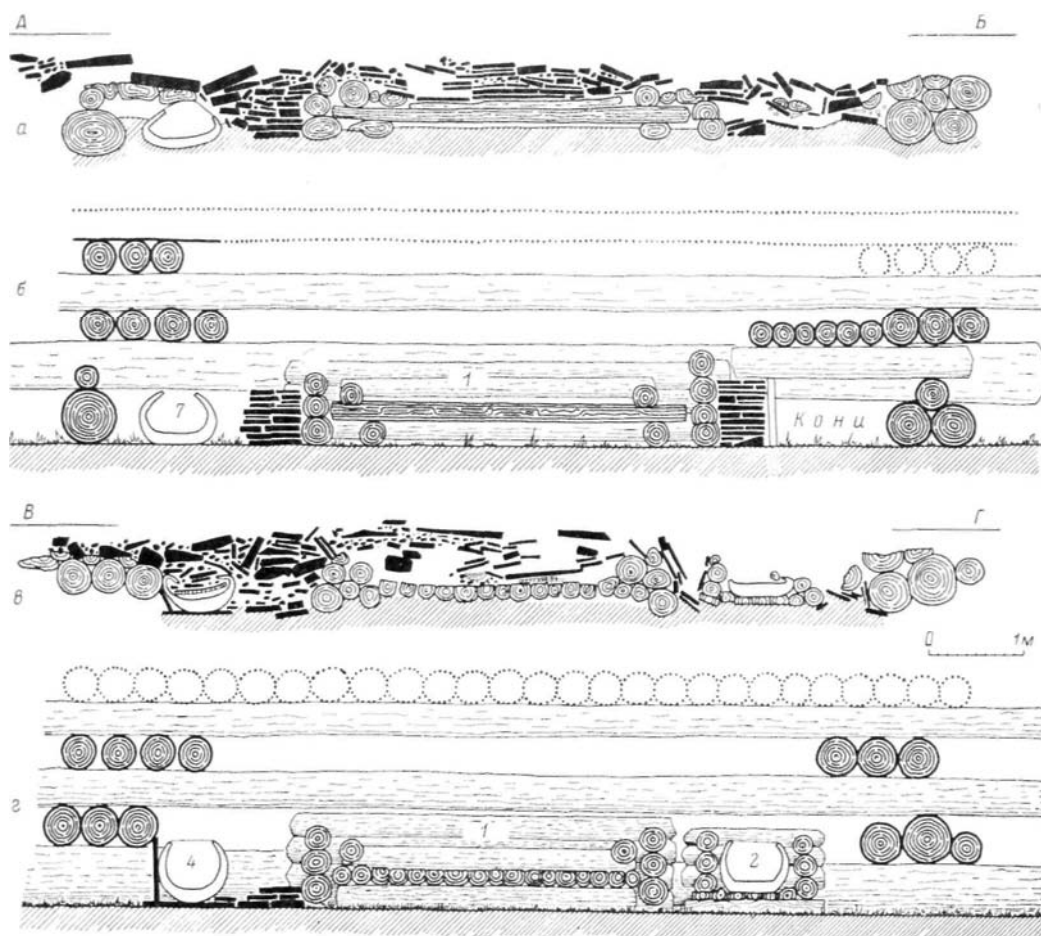

Рис. 7. Камера 1. Разрезы.

а, в — по линиям АБ и ВГ; б, г — реконструкция; арабские цифры — номера могил.

остались лишь четыре фаланги ног: две на полу около западной стены сруба, две другие в щели между брусками пола в середине сруба. Первые две принадлежали взрослому и имели явные признаки старческих изменений костей, вторые две — тоже взрослому, но без признаков старения; они отличались большей subtilностью строения и меньшими размерами. С некоторой долей вероятности можно предполагать, что это остатки погребенных здесь мужчины старческого возраста и взрослой женщины.

На полу сруба в разных местах в полном беспорядке находились остатки меха соболя (?); фрагменты одежд из шерстяной ткани двух сортов (рис. 9, 1) и шерстяного толстого плетения (рис. 9, 4); большой кусок широкого ремня с ременной обоймой; полоска и круглая бляшка с квадратным отверстием посередине из тонкого листка золота (рис. 12, 7); две большие бирюзовые бусины (рис. 10, 9, 10) и две бисеринки;

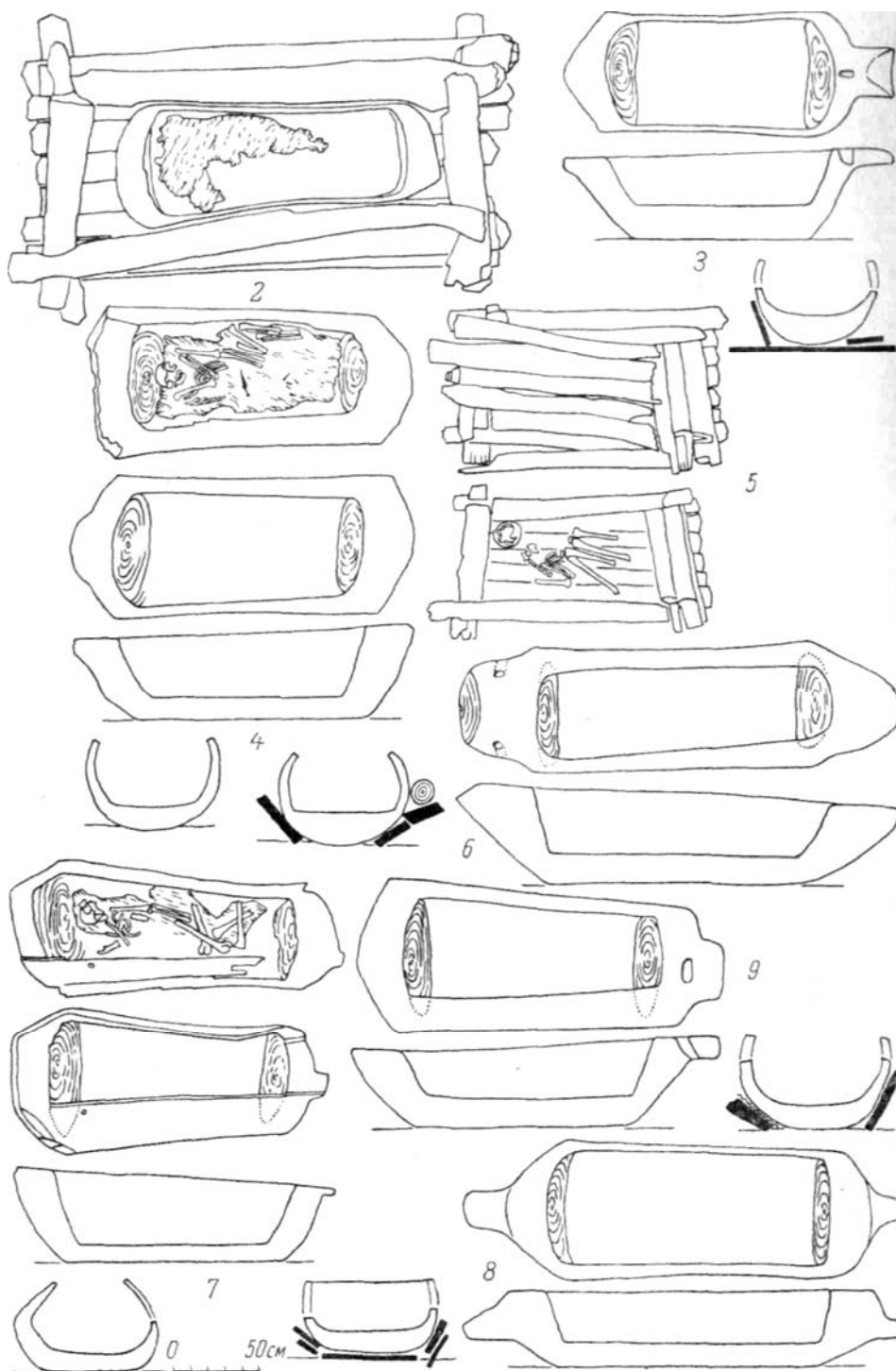

Рис. 8. Камера 1. Колоды с захоронениями сопровождающих «царя» людей. План и разрез-реконструкция.

Цифры — номера могил (для мог. 2, 4, 5 и 7 даны и реальные планы).

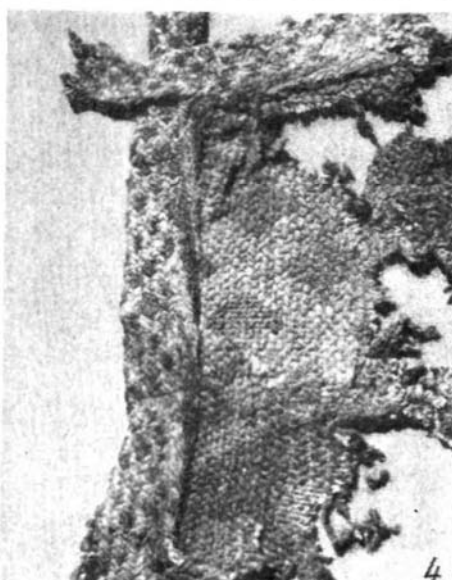
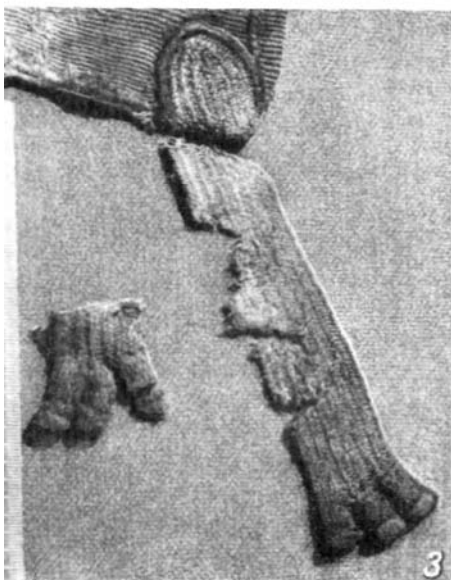
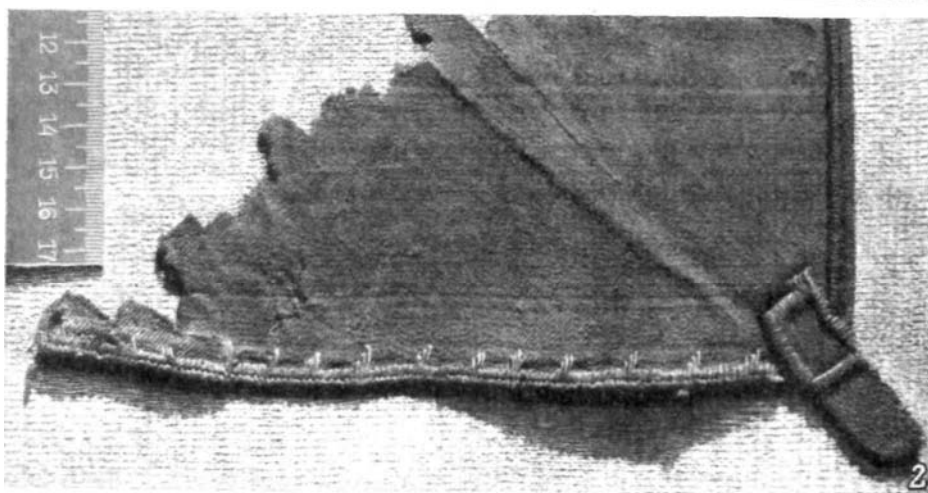
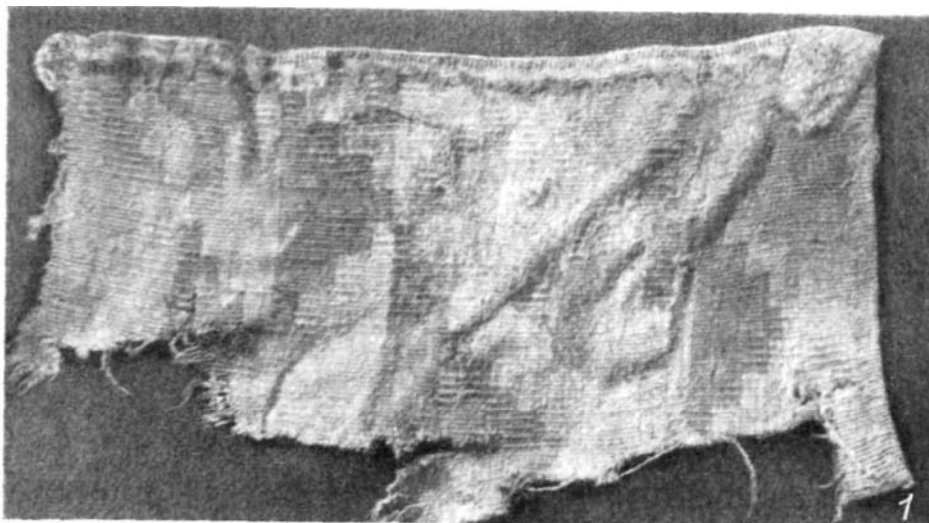

Рис. 9. Камера 1. Части одежды из шерстяных тканей. 1,4 — из мог. 1; 2 — из мог. 4; 3 — из мог. 9.

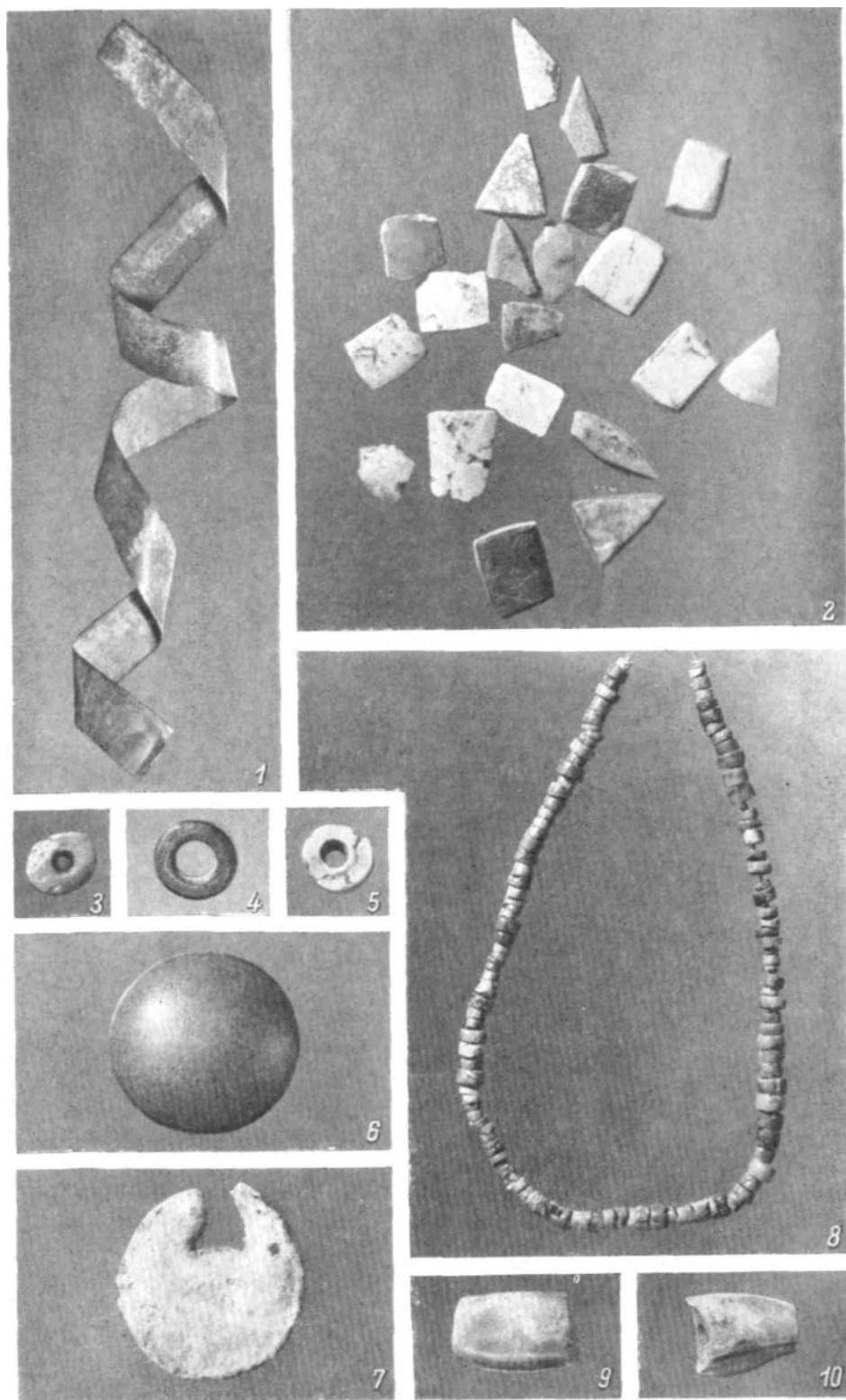

Рис. 10. Камера 1. Вещи из могил.

1—7, 9, 10 — мог. 1; 8 — мог. 2 (1 — примерно 1/2 н. в.; 2, 5 — увел. 2 раза; 4, 6, 7 — несколько увеличено; 8—10 — 4/5 н. в. 1, 7 — бронза; 2, 8—10 — бирюза; 4 — лигнит; 3, 5 — кость; 6 — серебро).

20 маленьких бирюзовых пластинок треугольной, прямоугольной и других простых форм, служивших, по-видимому, инкрустацией в золотых художественных изделиях (рис. 10, 2); 37 мелких обломков бронзового литого сосуда (?). Найденные здесь же две подвески из клыков кабана попали сюда, вероятно, случайно из конского захоронения, находившегося за восточной стеной могилы. Возможно, такого же происхождения и фрагмент широкого ремня.

Под полом, где первоначально было пустое пространство высотой 15—20 см, найдены 188 мелких (концевых) хвостовых позвонков лошади (остатки 15—20 конских хвостов), медная, свернутая спиралью полоска, обвивавшая, очевидно, один из хвостов (рис. 10, 1), и три небольших листочка золота.

Мог. 2 — маленький сруб. На два поперечных обрезка бревен настлан пол из брусев. На нем бревенчатый сруб в три венца (рис. 7, 2). Внутренние размеры сруба 2.2X0.8 м, внешние — 2.5X1-2 м. В срубе небольшая тесная колода. Полезная площадь ее 1.5X0.6 м. По внутренним размерам она самая крупная в кургане. Все остальные колоды меньше: длина их варьирует в пределах 1.1—1.4 м (рис. 8). На дне колоды остатки собольего (?) меха, покрывающие около половины площади. Как и в других колодах, сохранилась только шерсть, от кожи не осталось и следа. Среди шерсти и под ней две золотые нашивные пластины, украшенные двумя рядами бугорков (рис. 11, 5), 52 золотые пронизки в виде трубочек, свернутых спиралью из тонкой проволоки (рис. 11, 7), множество бисера из бирюзы (рис. 10, 8) и мелкие фрагменты шерстяной ткани. Останков погребенного человека в колоде нет, возможно выброшены грабителями.

Мог. 3 (рис. 8) — в колоде несколько костей взрослого, судя по зубам, не моложе 40 лет. По вещам это мужчина. На дне остатки меха соболя (?), и среди них три бронзовых втульчатых наконечника стрел с ромбическим пером (рис. 11, 8).

Мог. 4 — в колоде скелет мужчины 18—20 лет на левом боку, в скорченном положении (рис. 8). У пояса бронзовый кинжал в кожаных ножнах (рис. 11, 1, 2). В ногах 12 бронзовых наконечников стрел (четыре из них с ромбическим пером и шипом, три пулевидных; рис. 11, 12) и 26 костяных втульчатых (один из них пулевидный, остальные ромбические в сечении; рис. 11, 13). Под левым виском золотая серьга с бирюзовыми инкрустацией и подвешенной бусиной (рис. 11, 10, 11, слева). Много остатков меховых одежд (соболиных?) и фрагментов одежды из четырехцветной в полоску шерстяной ткани (рис. 9, 2).

Мог. 5 (рис. 8) — маленький сруб в углу камеры. На двух обрезках бревен настлан пол из пяти брусев. На нем сруб в два венца, покрытый пятью продольными бревнами. Внутренние размеры его 100X55X35 см. В нем скелет мужчины 40—60 лет (может быть, и старше) на левом боку, в сильно скорченном положении. Вещей нет. Незначительные остатки меха.

Мог. 6 — в колоде, под завалившимися в нее крышкой и боковинами, скелет мужчины старше 60 лет на левом боку, в сильно скорченном положении (рис. 8). Под ним и поверх него большие фрагменты тонкого войлока и остатки меха. За спиной деревянный прибор для добывания огня (рис. 11, 9), костяной трехгранный втульчатый наконечник стрелы, фрагменты древков стрел и кончик клинка бронзового ножа.

Мог. 7 — в колоде скелет мужчины старше 60 лет на правом боку, в сильно скорченном положении. Остатки меха соболя. Вещей нет.

Мог. 8 — в колоде в беспорядке кости взрослого (мужчины?) не моложе 40 лет. Много остатков одежд из меха соболя (?) и шерстяной одноцветной ткани. Среди них верхний конец древка стрелы с утолщением вместо наконечника.

Мог. 9 — в колоде в беспорядке кости взрослого. Судя по вещам, это мужчина. Много остатков одежд из меха соболя (?) и других животных

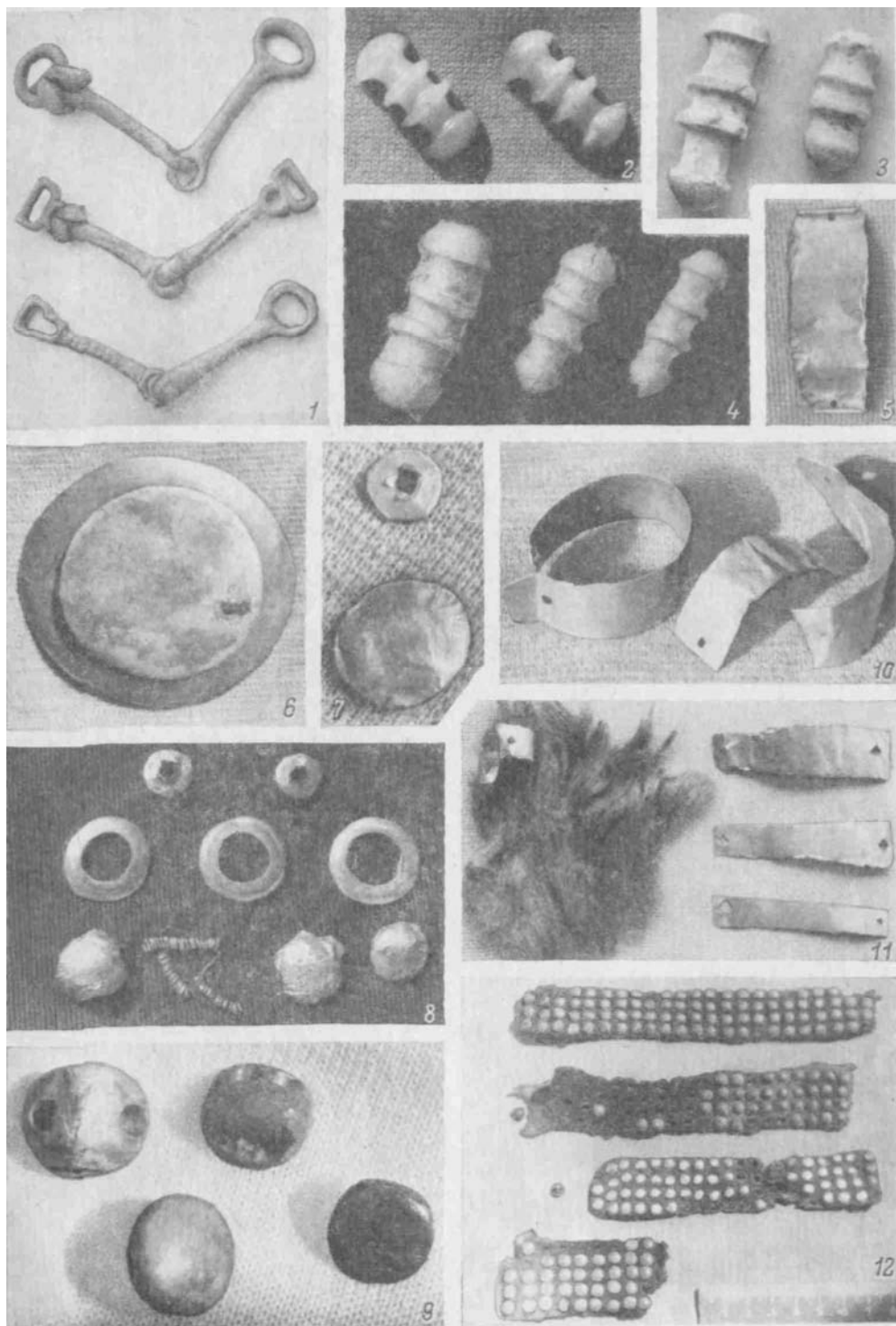

Рис 12. Вещи из конских захоронений в камерах 1 (1, 2, 4, 6—10, 12), 26 (3), 31 (11) и 37 (5).

1 — 1/4 н. в.; г., 3, 5, 7 — 1/2 н. в.; 4 — н. в.; 6, 8 — 2/5 н. в.; 9 — 4/5 н. в.; 10 — 2/3 н. в.; 11, 12 — 1/3 н. в. (1 — бронза; 2 — антигорит; 3 — аргиллит; 4 — золото и дерево; 5, 7, 8, 10 — золото; 6 — золото и серебро; 9 — клык кабана; 11 — золото и хвост коня; 12 — серебро и кожа).

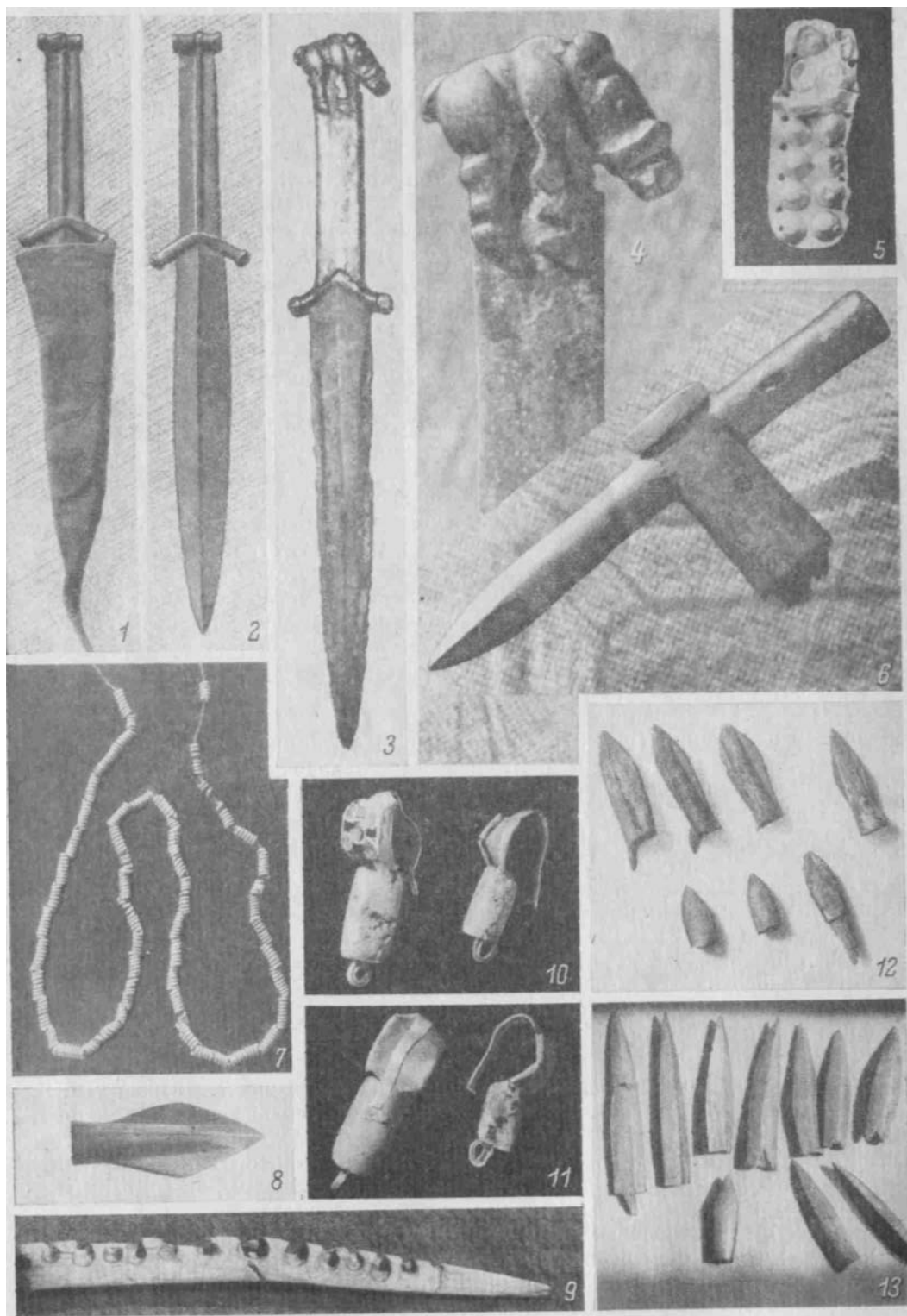

Рис. 11. Камера 1. Вещи из могил и найденные за срубом.

1, 2, 10 и 11 (слева), 12, 13 — мог. 4; 3, 4, 6, 10 и 11 (справа) — за срубом; 5, 7 — мог. 2; 8 — мог. 3; 9 — мог. 6 (1, 2 — 2/5 н. в.; 3, 9 — 1/3 н. в.; 5, 8, 13 — 4/5 н. в.; 6, 12 — 1/2 н. в.; 7 — 2/3 н. в.; 10, 11 — н. в. 1 — бронза и кожа; 5 — 4, 6, 8, 13 — бронза; 5, 7 — золото; 9 — дерево; 4, 10, 11 — золото и бирюза; 13 — кость).

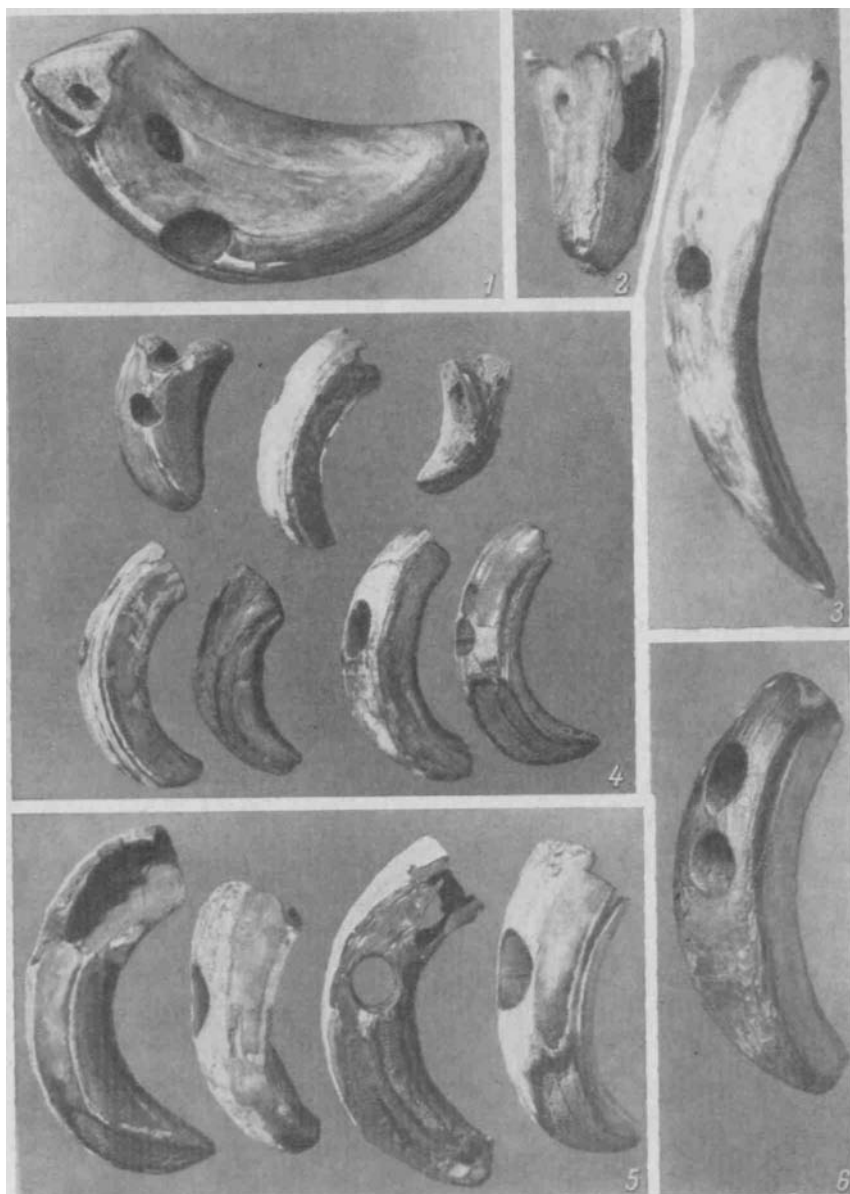

Рис. 13. Камера 1. Захоронение коней.
 1 — подвеска из клыка кабана с деревянным вкладышем; 2—6 — то же без вкладышей (1—3, 6 — н. в.; 4 — 1/2 н. в.; 5 — 4/5 н. в.).

и из шерстяной одноцветной ткани с вышивкой (рис. 9, 3). Среди них три костяных втульчатых наконечника стрел, ромбических в сечении, и один бронзовый втульчатый с ромбическим пером.

Захоронения людей обнаружены также в камерах 9, 13 и 31. О них говорится ниже при описании этих камер.

Кони «царя», как уже указано, помещались вдоль восточной стены мог. 1. Здесь встречены в полном беспорядке разрозненные кости шести коней (см. рис. 18, *слева*). Большая часть сопровождавших их вещей похищена, но и немногие сохранившиеся говорят о богатом убранстве коней. Найдены три комплекта бронзовых удилищ (рис. 12, 1); налобник — круглая большая бляха в виде золотого широкого кольца с серебряным выпуклым кружком посередине (рис. 12, 6); три таких же золотых кольца меньшего размера (серебряный кружок у них утрачен; рис. 12, 8); пять золотых полусферических бляшек (одна на медной подкладке); три аналогичные на несохранившейся деревянной (?) основе (рис. 12, 8); три трехжелобчатые на деревянной основе, покрытой золотым листком (рис. 12, 4); две такие же из светло-зеленого антигорита — разновидности змеевика (рис. 12, 2); три золотые спиральные проволочные пронизки (рис. 12, 8); три золотых нахвостника — полоски, опоясывавшие основание хвоста коня (рис. 12, 10); круглая выпуклая серебряная бляшка (рис. 10, 6); четыре фрагмента ремня со множеством круглых серебряных мелких бляшек, нашитых в четыре-пять продольных рядов (рис. 12, 12); 19 подвесок — просверленные клыки кабана (рис. 13); шесть круглых и три бинарные бляшки-пуговицы из клыка кабана (рис. 12, 9). Вероятно, уздечки этих шести коней были пышно украшены различными бляшками, подвесками и накладками, сделанными из разных материалов, в том числе и ценных, таких как золото, серебро и цветные камни.

Вещи, найденные за срубом центральной камеры, по-видимому, потеряны грабителями, расхитившими могилу «царя». Они обнаружены в проходе между камерами 1 и 12 на протяжении около 2 м вдоль восточной стены последней. Это бронзовый кинжал с фигурой кабана на навершии (рис. 11, 3, 4), массивный бронзовый чекан (рис. 11, 6*), золотые гривны из гладкой узкой пластины и серьга с бирюзовыми инкрустацией и бусиной (рис. 11, 10, 11, *справа*).

Ткани, хотя бы в мелких фрагментах, сохранились во всех указанных могилах. Они шерстяные, разных сортов и видов, с переплетением нитей типа саржи и репса, большей частью однотонные, но есть двухцветные и четырехцветные. Наиболее роскошные ткани обнаружены в мог. 1: четырехцветная с орнаментом из рядов пирамидок (рис. 9, 1); двухцветная с рядами синих ромбиков, разбросанных по светлому фону; толстый трикотаж (или плетение) с темными ромбиками на светлом фоне. В мог. 4 найдена четырехцветная ткань с рисунком в мелкую полоску (рис. 9, 2). На толстой одноцветной ткани из мог. 9 вышита фигура в виде сдвоенного ромба. Все ткани, несмотря на их разнообразие, происходят, судя по технике и качеству изготовления, из какого-то одного высоко развитого ремесленного центра, вероятно откуда-то из стран Переднего Востока, так как там с очень древних времен (до Ахеменидов и позже) в архитектуре, керамике, торевтике и прочем был распространен орнамент из рядов ступенчатых пирамидок.

ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЕЙ

В четырех однокамерных срубах (камеры 2, 5, 13 и 31) и пяти двухкамерных (камеры 3, 10, 17, 20 и 37) размещались массовые захоронения верховых коней. В двухкамерных срубах захоронением коней была за-

нята только одна половина, вторая оставалась свободной. Кроме того, захоронения коней находились и в более или менее широких проходах между некоторыми срубами: в проходе между срубами 2 и 3 (камера 2—3), 34 и 35, 62 и 68 (камеры 34а и 68) и в двух частях длинного прохода между срубами 25 и 26, 27 и 28 (камеры 25б, 26а и 26б). В двух случаях вместе с конями в срубе погребены и люди (камеры 13 и 31), а в одном — в небольшой камере похоронен только человек (камера 9). Описания захоронений коней, коней и людей и только человека даются ниже в порядке номеров их камер: сначала камеры южной половины кургана (камеры 2, 2—3, 3, 5, 9, 13, 17 и 20), затем — северной (камеры 10, 25б, 26а, 26б, 31, 34а, 37 и 68).

Камера 2 — примыкает к южной половине восточной стены центральной камеры. Внешние размеры 9.5X8 м, предполагаемая высота 2.4 м. Полезная площадь 45 м² (6.5X7.0 м). Сруб сложен в 2.5 венца. Над первым настлан редкий накат из девяти относительно тонких бревен, расположенных в направлении юг—север. Между верхними бревнами третьего венца сделан плотный накат из 25 (?) более толстых бревен, расположенных в поперечном по отношению к нижнему накату направлении. Полезная высота камеры была, таким образом, всего лишь около 90 см. В камере найдены кости 30 коней. Первоначальное положение их сильно нарушено редко настланными бревнами нижнего наката, вдавившимися в землю. Кости лошадей выдавились в промежутки между бревнами, образовав восемь гребней. По взаимному расположению черепов и костей плечевого и тазового поясов определяется, что копи были уложены в три ряда головой на северо-запад, т. е. по направлению к центральной могиле. На долю каждого коня приходилось в среднем 1.5 м² площади (2.3X0.65 м). Они, очевидно, были поставлены плотными рядами и заполняли без остатка всю камеру. Камера ограблена, и многих уздечек частично или полностью недостает. Сохранились бронзовые удила с трехдырчатыми псалиями не менее чем от 10 уздечек (все в той или иной степени фрагментарны; рис. 14, 1, 2); четыре оригинальных трехдырчатых псалия, вырезанных из нижней челюсти лошади (см. рис. 30, 9); удила и фрагмент других удил с совершенно необычными трехдырчатыми псалиями (рис. 14, 4), сделанными из толстой кожи и пары палочек (сохранились остатки не менее 14 уздечек); наконечник — голова коня с детально изображенной уздечкой, прекрасно вырезанная из рога на конце небольшого полого стерженька (рис. 15, 1—3; не надевалась ли она на деревянную палочку в кожаных удилах? Не часть ли это псалия?); круглый роговой наконечник, заостренный на конце, с двумя выпуклыми поясками, возможно, того же назначения, что и первый; бронзовый диск диаметром 25 см (рис. 15, 4) с великолепным изображением свернутого в круг хищника (тигра?); семь подвесок из челюсти коня — вырезанный кусок челюсти с тремя резцами и клыком, с двумя-тремя сквозными отверстиями; 12 резцов коня не менее чем от четырех таких же подвесок; 22 подвески из клыков кабана с одним-двумя просверленными отверстиями (рис. 14, 3); 189 подвесок из клыков коня с одним-двумя просверленными отверстиями в центре; круглая бляшка-пуговица из клыка кабана; бронзовая ажурная круглая бляшка или пряжка; две бронзовые бляшки-пронизки — перекрестье ремней; четыре роговые бляхи с круглым отверстием посередине (две из них круглые и две прямоугольные; рис. 14, 6); черное лигнитовое толстое колечко; четыре золотые полоски для опоясывания основания хвоста коня; «хомут» — вырезанная из рога марала развилка, образованная двумя первыми отростками и частью стержня рога.

Камера 2—3. В коридорообразном проходе между камерами 2 и 3, в северной его части, лежали в ряд на левом боку головой на запад, т. е. к могиле «царя», три скелета лошади (рис. 17, *слева*). Черепа их находились, на бревне первого венца сруба камеры 2, остальные кости — на

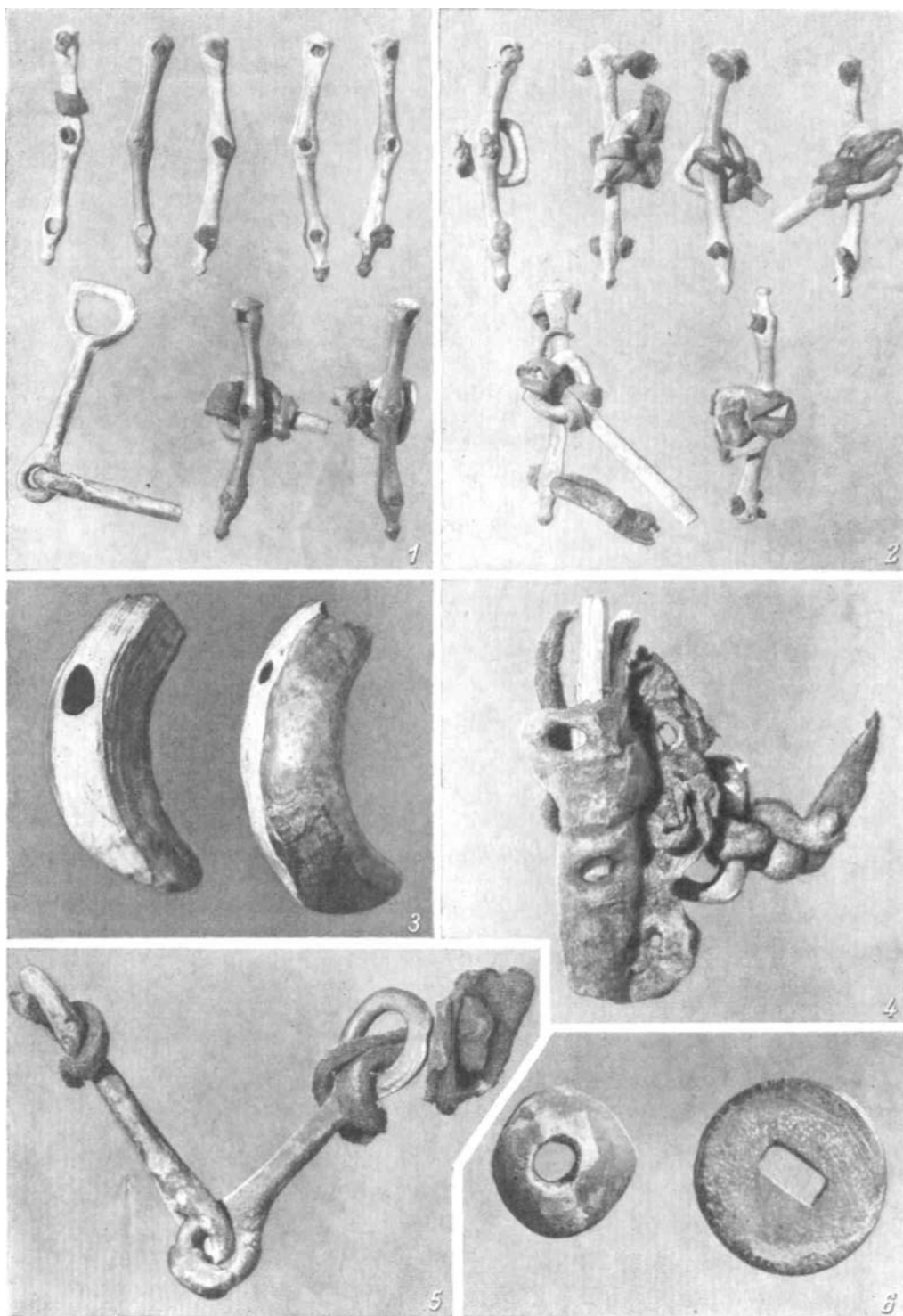

Рис. 14. Камера 2. Детали узды.

1, 2 — 1/3 н. в.; 3, 4, 6 — 2/3 н. в.; 5 — примерно 1/2 н. в. (1, 2, 5 — бронза и кожа; 3, 6 — кость; 4 — бронза, кожа, дерево).

Рис. 15. Камера 2. Скульптурные изображения головы коня (1—3) и диск с фигурой тигра (4).

1—3 — н. в.; 4 — 1/2 н. в. (1—3 — рог оленя; 4 — бронза).

поверхности земли. У двух из скелетов около черепа найдены бронзовые удила того же стандарта, что и в камере 2, с трехдырчатыми коленчато-изогнутыми псалиями (рис. 16, 2, 4, 6.); у третьего — только один псалий.

Камера 3 — соседняя с востока с камерой 2. Длина ее с юга на север 12.5 м, ширина 7.5 м, предполагаемая высота 2.2 м. Сруб сложен в три венца по типу пятистенного дома (пять стен, две из которых продольные и три поперечные). Состоит из двух отделений. В северной половине площадью 30 м² (6X5 м) находились кости лошадей: 30 скелетов лежали в три ряда головой на запад (рис. 17, *справа*). Здесь кони были расположены еще теснее, чем в камере 2. На коня в среднем приходилось только по 1 м² площади (2X0.5 м). Втиснутые в камеру кони едва в ней уместились. Головы и другие части туш некоторых из них оказались вдавленными в промежутки между бревнами первого и второго венцов сруба в западной и южной его стенах. От снаряжения погребенных в камере коней сохранилось немного: четыре полных комплекта стандартных бронзовых удили со стремечковидным кольцом и коленчато-изогнутыми трехдырчатыми псалиями; 11 частей не менее чем от шести таких же уздечек; бронзовая квадратная пластинка с отверстием посередине и остатками ремня в ней.

Камера 5 — примыкает к восточной стене центрального сруба и к северной стене камеры 2. Внешние размеры 10x6.5 м, предполагаемая высота 2.4 м. Сруб сложен в три венца. В 90 см над уровнем земли на середине камеры лежит накат из семи бревен (ширина его 3 м), а на высоте 2.1 м — плотный накат, служивший потолком камеры (рис. 18, *внизу*). Верхний накат имеет широтное направление, а нижний меридиональное. Полезная площадь камеры 43 м² (8.5X5 м). Посреди нее находилось 15 скелетов коней, расположенных в два ряда головой на запад (рис. 18, *справа*). При них сохранились четыре комплекта бронзовых удили (три из них со стремечковидными кольцами и одно с округлыми) и четыре стремечковидных кольца от других экземпляров (рис. 16, 1); шесть стандартных трехдырчатых бронзовых псалиев (рис. 16, 5); семь роговых псалиев, имитирующих форму бронзовых (см. рис. 28, 6*); три застежки от приторочных ремешков (?) : две деревянные и одна из клыка лошади (рис. 16, 3). Всего в камере собраны остатки не менее чем от восьми уздечек.

Камера 9 — небольшая, узкая, примыкающая к центральной камере с севера. Внешние размеры: ширина 3—4 м, длина 8 м, предполагаемая высота 2.5 м (рис. 19). Внутренняя площадь около 12 м². В северной, широкой части находится небольшой сруб-колода. На двух обрезках бревен настлан пол из четырех продольных бревен; на нем — сруб-колода в два венца. Углы рублены в лапу с остатком. Внутренняя поверхность бревен пола и стен отесана так, что получилось подобие внутренней полости колоды (рис. 19, *б*). Размеры сруба внутри 1.4—0.7 м. В срубе найдено немного остатков меха соболя (?) и шерстяной ткани. Костей человека и вещей нет. Если бронзовый пулевидный наконечник стрелы, встреченный неподалеку от сруба, происходит из него, то в срубе был погребен мужчина.

Камера 13 — небольшая, трапециевидная, примыкающая к юго-западному углу центральной камеры. Внешние размеры 7X5.5 м, внутренние — 5.5X4.5 м (23 м²), предполагаемая высота 2—2.5 м. Эта камера одна из наиболее пострадавших от грабителей и последующих перекопов. Остатки захоронений человека и коней разбросаны в беспорядке и находятся не только на полу, но и на высоте до 50 см над полом. Две колоды оказались переброшенными к северо-восточной стене сруба на высоту 20—40 см над полом. На дне колод лежит немного остатков одежды из собольего (?) меха и шерстяных тканей. Костей человека и вещей в колодах не осталось. Кости не менее четырех человек разбросаны по камере и даже за

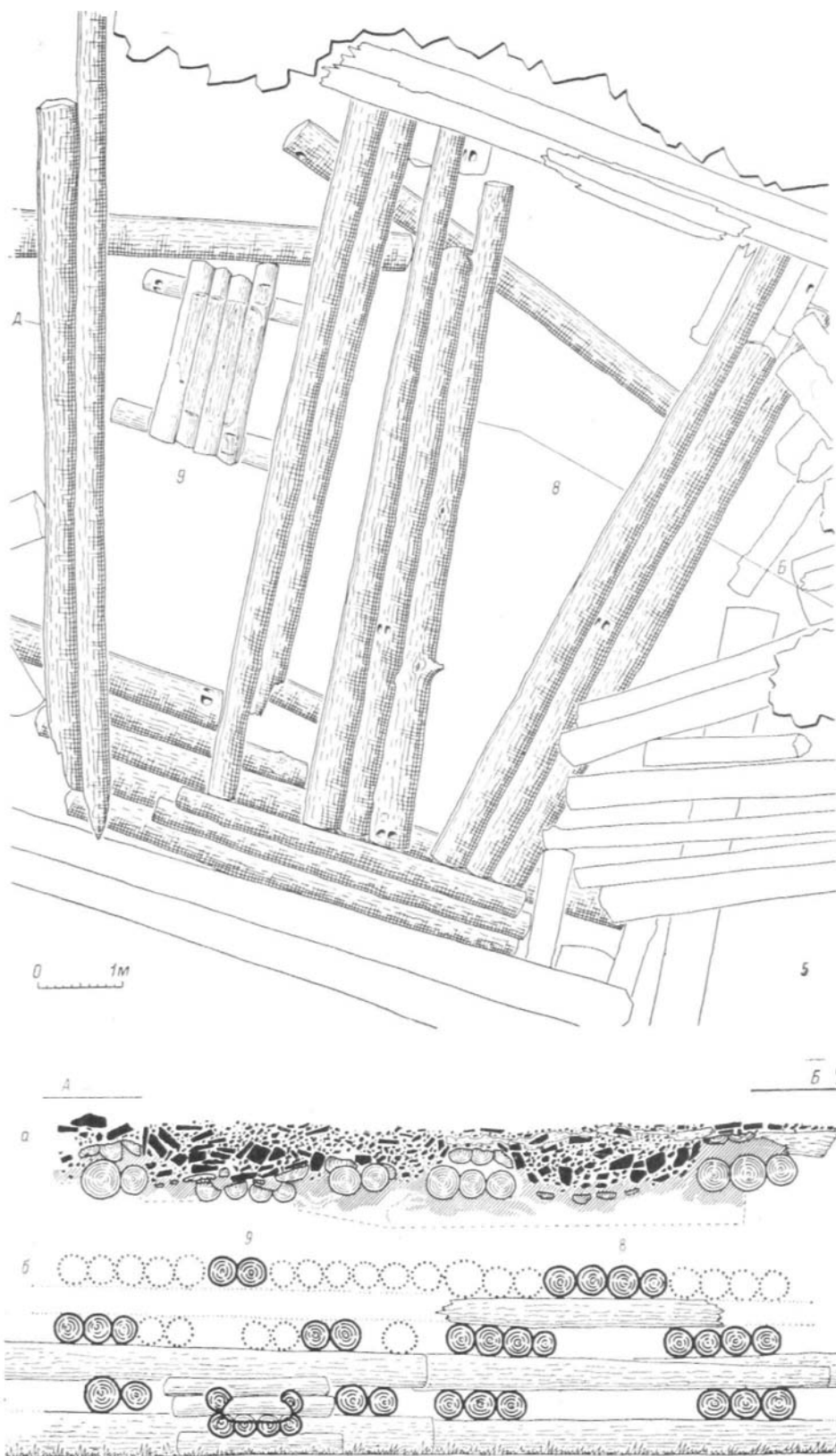

Рис. 19. План камер 8, 9 и их разрез. а —
реальный разрез; б — реконструкция.

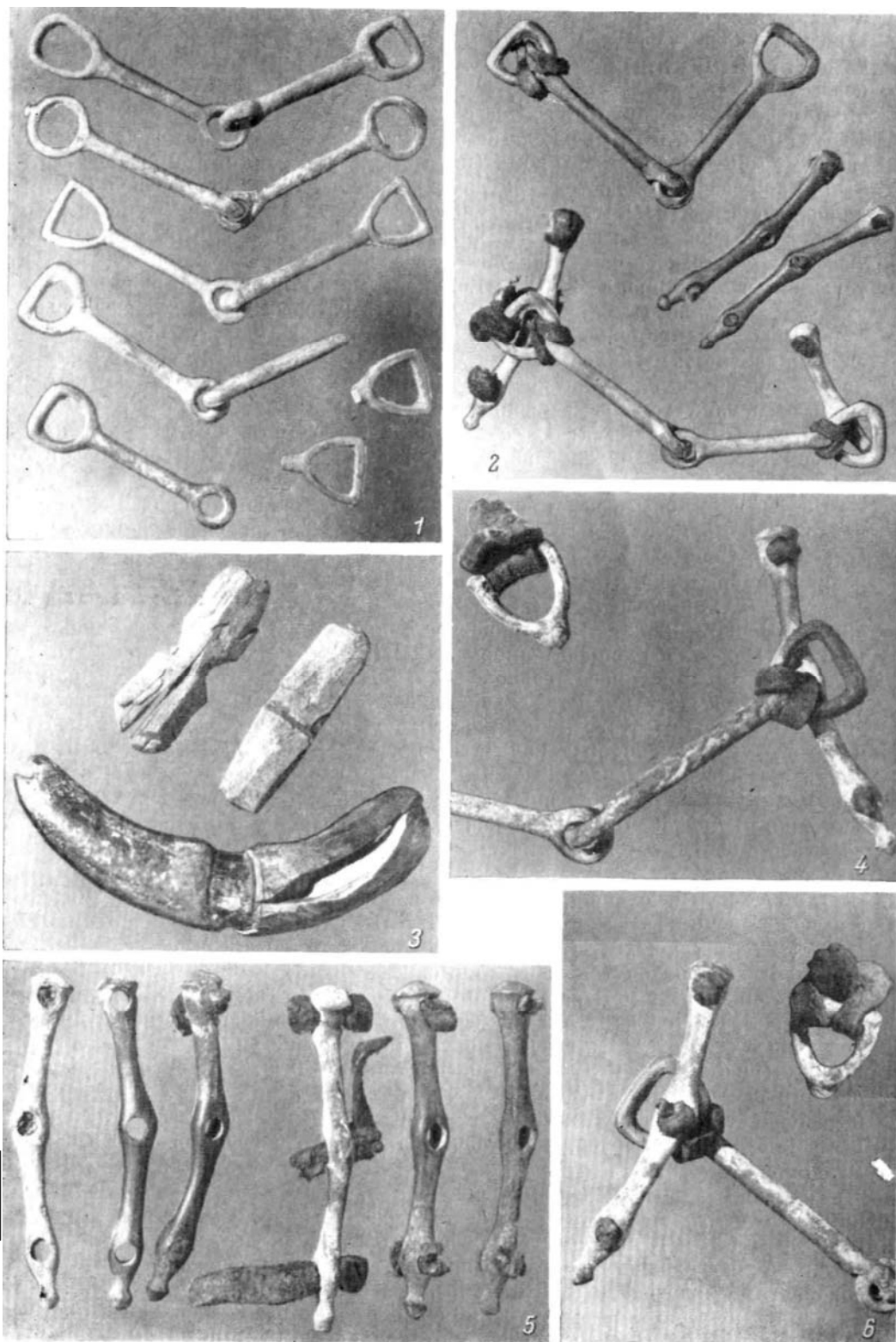

Рис. 16. Детали узды из камеры 5 (1, 3, 5) и из прохода между камерами 2 и 3 (2, 4, 6).

1, 2 — 1/3 н. в.; 3 — н. в.; 4—6 — 1/2 н. в. (1 — бронза; 2, 4—6 — бронза и кожа; 3 — дерево и клык лошади. 4 — вид сзади; 6 — вид спереди).

ее пределами, в проходе между камерами 13 и 14. Многих костей недостает. Три черепа и затылочная кость четвертого принадлежат мужчинам не моложе 60 лет. В разных местах находились также мелкие фрагменты одежд из меха и тканей, бронзовая булавка, каменный амулет, имеющий форму подвесного оселка, и обломок массивной кремневой призматической пластины. В проходе между камерами, недалеко от группы костей одного человека, обнаружены золотая серьга с бирюзовыми инкрустацией и бусиной и маленькая треугольная бирюзовая пластинка (инкрустация золотого предмета). Кости коней в этой камере сохранились хуже, чем в предыдущих. Они лежали в беспорядке на разных уровнях. Большая часть их поломана, многих не хватает. Уцелели кости не менее семи верховых коней и остатки сбруи (два комплекта удил и один псалий; см. рис. 30, 18); шесть подвесок из просверленных клыков кабана; четыре роговые прямоугольные бляшки с круглыми отверстиями посередине; золотая полоска для опоясывания основания хвоста лошади (нахвостник).

Камера 17 — тоже небольшая, расположенная во втором кольце срубов к югу от центральной камеры. Имеет форму узкой высокой трапеции. Внешние размеры 7.0X4.5 м, предполагаемая высота 1.9 м. Сруб сложен с двумя отделениями, по типу пятистенки с поперечной перегородкой посередине. Внутренняя площадь 19 м² (5.5X3.5 м). Захоронения коней здесь также плохо сохранились. Кости в полном беспорядке. Многих недостает, часть поломана. Находились они в обоих отделениях, в проходе между камерами 16 и 17, около южной стены первой. Подсчитано наличие остатков не менее восьми лошадей. От их сбруи уцелели три комплекта стандартных бронзовых удил со стремечковидными кольцами и один также стандартный псалий.

Камера 20 — соседняя с предыдущей, во втором кольцевом ряду срубов. В плане неправильно-четырёхугольная, несколько больше предыдущей, также пятистенная с двумя отделениями. Внутренние размеры 6.5X6.0 м (около 40 м²). Поверх первого венца сделан неплотный накат из 12 бревен; поверх второго посередине уложено в том же направлении пять бревен, образующих плотный накат шириной 1.6 м. Потолок камеры представляет собой плотный накат из 28 (?) бревен, лежащих перпендикулярно к двум нижним накатам. В целом получилось сооружение, более похожее на сложенные в клетку бревна, чем на сруб. Помещение для коней оказалось высотой всего лишь 70—80 см. Как и в двух предыдущих камерах, захоронение верховых коней сильно разграблено. Кости находились на разных уровнях в полном беспорядке, разбросанные, поломанные. Они принадлежали не менее чем 18 особям. При них найдены два комплекта стандартных бронзовых удил с коленчато-изогнутыми трехдырчатыми псалиями (рис. 20, 2, 3, 5); удила без псалиев: два целых (рис. 20, 4) и обломок третьего; пять отдельных псалиев (рис. 20, 6); подвеска из просверленного клыка кабана; бронзовая квадратная пластина с отверстием посередине; две золотые полоски для покрытия основания хвоста лошади (рис. 20, 1).

Камера 10 — в отгороженной восточной половине большого сруба. Площадь около 25 м². В камере остатки захоронения двух коней, сильно потревоженные грабителями. Разрозненные кости лежали в южном конце. Среди них один комплект бронзовых удил.

Камера 256 — восточная часть тесного узкого прохода между камерами 25 и 27, перегороденного концами бревен восточной стены камеры 25. Это небольшой отсек трапециевидной формы длиной 2 м, шириной 0.8—1.2 м (рис. 21). В нем находились в беспорядке разрозненные кости одного скелета коня. В юго-западном углу, на бревнах первого венца западной стены камеры 26, лежали, по-видимому, на своем первоначальном месте плохо сохранившийся череп коня и бронзовые удила с парой псалиев. И еще один псалий найден в западной части прохода (25а).

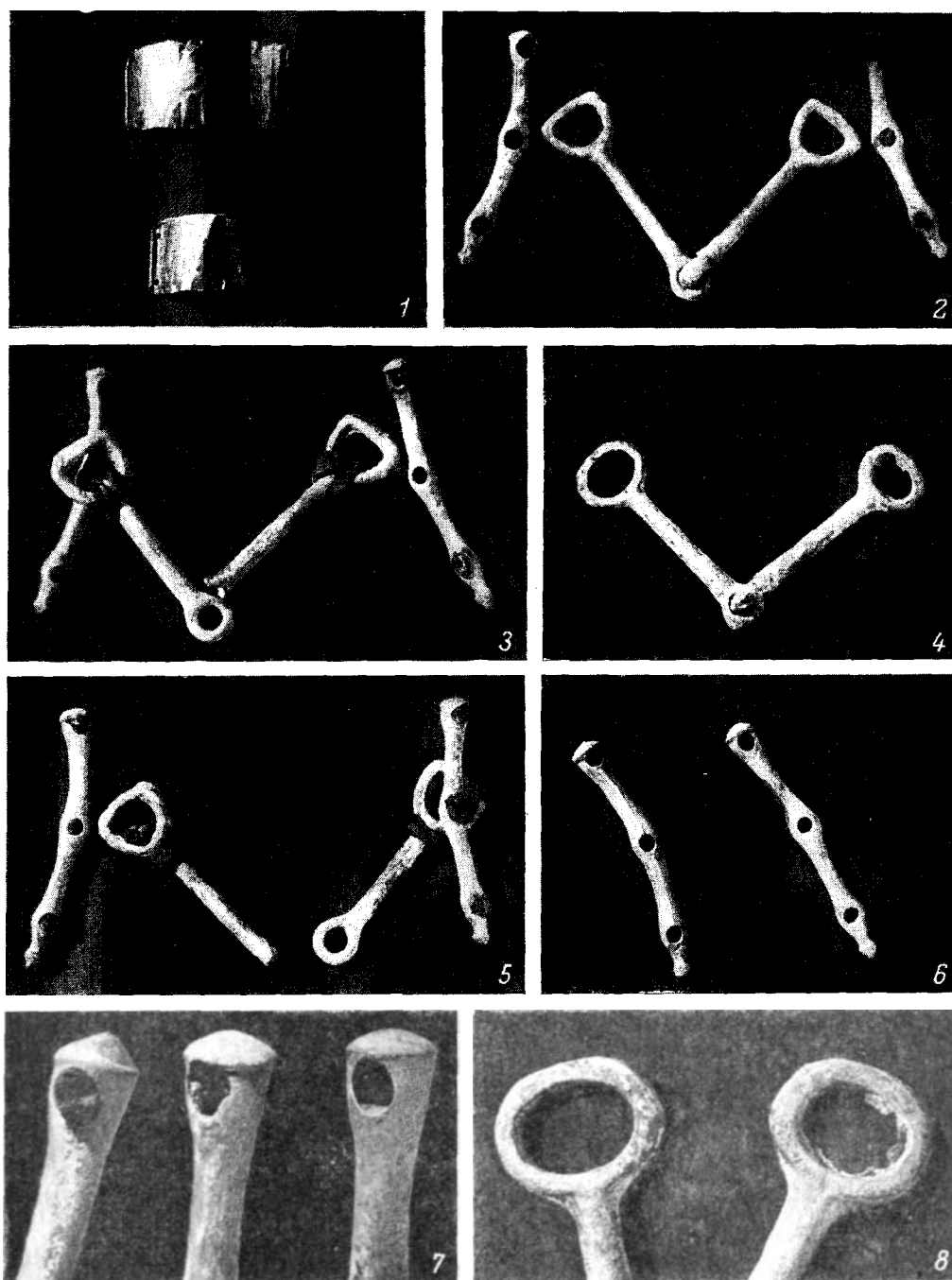

Рис. 20. Камера 20. Золотые нахвостники (1) и бронзовые детали узды (2—8). 1 — примерно 1/2 н. в.; 2—6 — примерно 1/3 н. в.; 7, 8 — н. в. (3 — вид сзади; 5 — вид спереди).

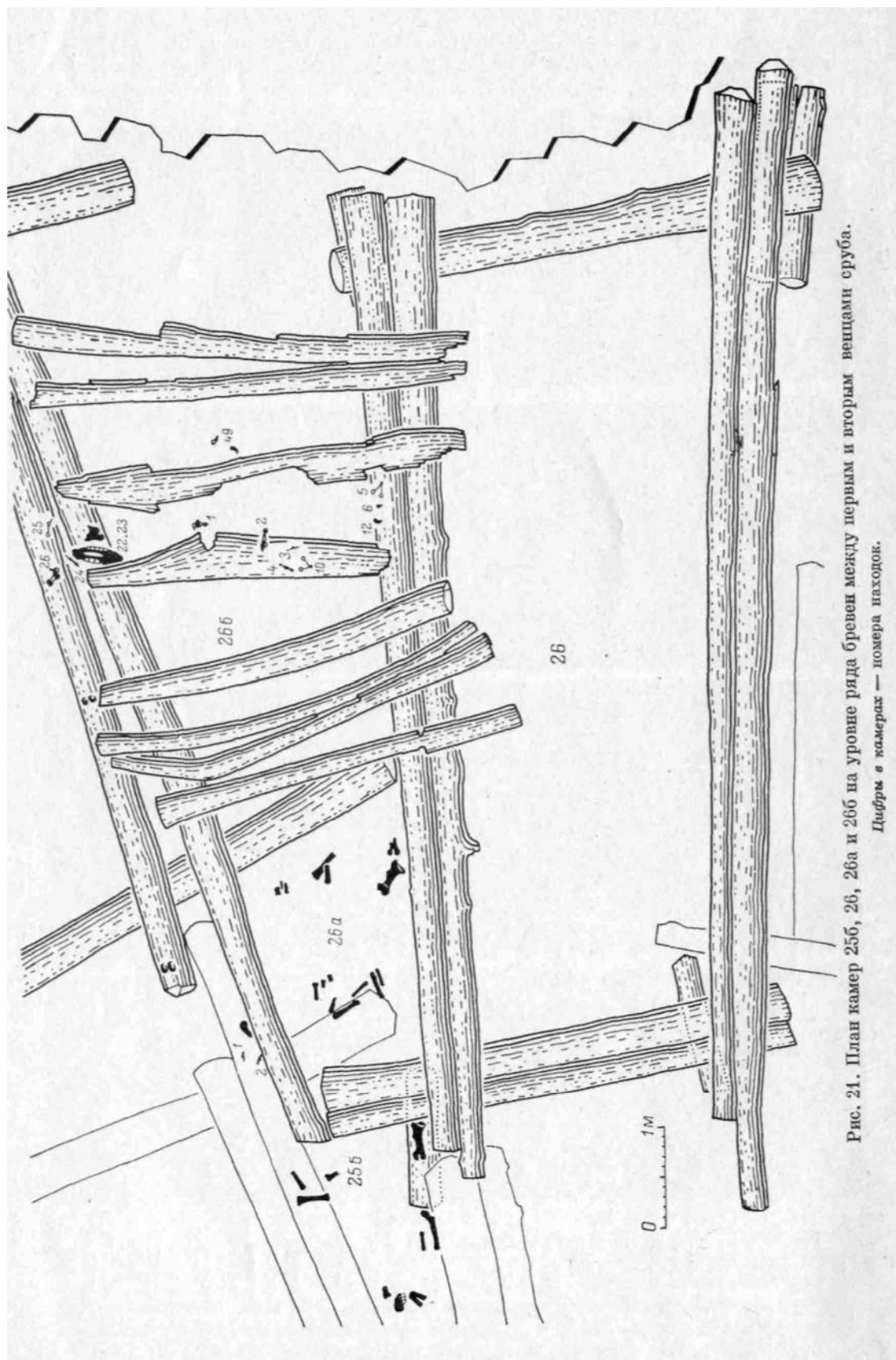

Рис. 21. План камер 25б, 26, 26а и 26б на уровне ряда бревен между первым и вторым венцами сруба.
Цифры в камерах — номера находок.

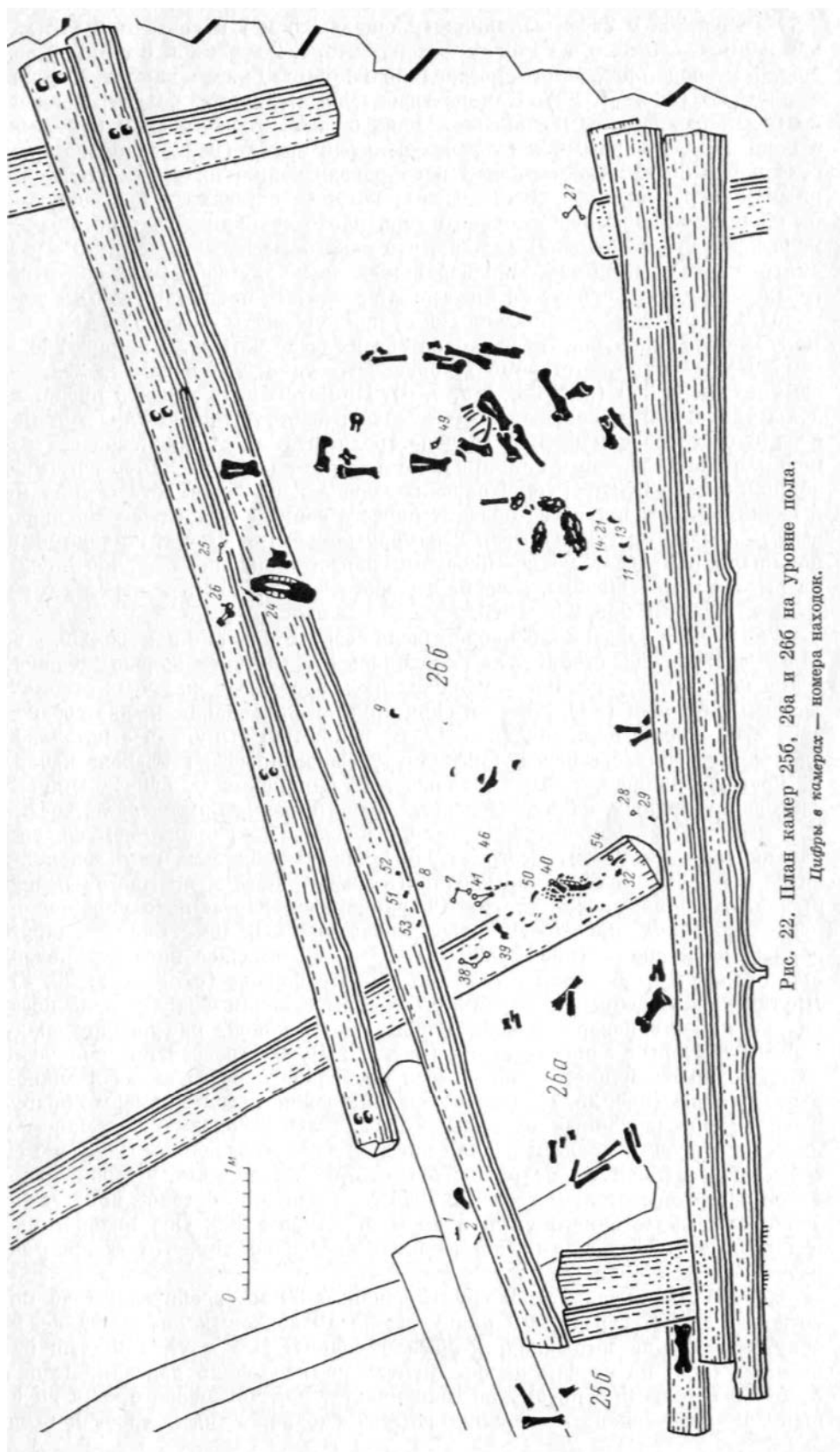

Рис. 22. План камер 25б, 26а и 26б на уровне пола.

Цифры в камерах — номера находок.

Камеры 26а и 26б — западная (площадь 3.5 м²) и восточная (15 м²) части широкого прохода между камерами 26 и 28, длиной 8 м, шириной 1.5—3 м, перегороденного посередине концами бревен западной стены камеры 28 (рис. 21, 22). Камера грабителями, видимо, не потревожена, но под неравномерным давлением ряда бревен, уложенных над конями в щель между первыми и вторыми венцами сруба (первоначальная высота около 80 см), кости коней и сопровождающие их предметы беспорядочно переместились, а те из них, которые оставались долгое время не на полу камеры, а несколько выше, плохо сохранились, особенно черепа, позвонки и ребра. Возможно, что некоторые кости и предметы рассматриваемых камер частично перемешались между собой, так как перегородивающие их бревна не могли быть для этого преградой. Рассмотрим находки обеих камер совместно. Кости принадлежали не менее чем 11 коням. Вполне вероятно, что в камере 26а их было четыре, в камере 26б — семь. Найдено соответственно 11 бронзовых удилов: три в камере 26а, восемь в камере 26б (рис. 23, 1, 3, 5, 6). При этом пять уздечек представлены удилами с парой бронзовых псалиев, шесть — только удилами. Все псалии своеобразной формы (в виде трехдырчатых стерженьков с утолщенными заостренными концами), ни в одной из других камер не встреченной (рис. 23, 2). В пяти случаях черепа лошадей вместе с удилами и псалиями находились на бревнах первого венца сруба (первоначальная высота 40—80 см). Укладывая в камеру коней, головы их, по-видимому, помещали в просвет между бревнами первого и второго венцов срубов на высоту около 80 см в северной и восточной стенах и в перегородках между камерами 256, 26а и 26б.

Украшения уздечек в основном были сосредоточены в камере 26б, у ее западной короткой стенки, где находились остатки трех конских черепов и три комплекта удилов. Здесь найдены пара бронзовых ажурных стремянковидных бляшек (рис. 23, 4) и одна круглая кольцевидная; две трехжелобчатые бляшки-нашивки (рис. 12, 3) и круглая выпуклая с петелькой бляшка-пуговица из белого агиллита; вырезанные из клыков кабана 11 круглых бляшек, четыре овальные, 12 бинарных, 18 бабочковидных, семь запятовидных, пять треугольных, одна в форме крыла жука, восемь длинных разных вариантов, в том числе одна с изображением фигуры кабана (рис. 24, 1—7). Всего учтено 66 разных бляшек, изготовленных из длинных нижних клыков кабана (их было больше, но многие разрушились и не поддаются учету). Сохранились и деревянные украшения: несколько узких, плоско-выпуклых, криволинейных пластинок с закругленным окончанием (рис. 24, 9, 10). Здесь же имелась пара великолепных бронзовых наконечников с фигурой горного барана (рис. 25, 6; 26, 2). Другая пара подобных наконечников с большим кольцом сбоку лежала посередине камеры поверх бревен, покрывавших коней, на уровне между первым и вторым венцами сруба (рис. 26, 1). От третьей пары найдено только одно наконечник, находившееся на бревне первого венца в южной стене камеры (рис. 25, 7). Около середины южной стены камеры обнаружено 12 просверленных верхнечелюстных клыков кабана. Это, видимо, подвески от узды, удила и псалии которой лежали здесь же. Недалеко от середины северной стены находился золотой наконечник. Второй точно такой же наконечник мы нашли в 1974 г. за наружной стеной камеры 45, около ее юго-восточного угла, в 15 м от камеры 26б. Оба наконечника отличаются от всех других, встреченных в Аржане, тем, что их края загнуты со всех сторон.

Камера 31 — квадратный сруб площадью 30 м², грабителями не потревоженный. Посередине в ряд уложено 10 верховых коней, на левом боку, головой на юго-запад, к могиле «царя». Все с удилами, но без псалиев. Судя по следам на фрагментах ремней одной уздечки, псалии были деревянными и потому не сохранились. Уздечку первого коня украшали 18 просверленных верхних клыков кабана. У пяти уздечек было

по одному или по два больших нижних клыка (рис. 27, 6, 7, 9, 10), у одной — круглая роговая коническая пронизка-застежка. Четыре коня имели золотые нахвостники, отличающиеся от нахвостников из всех остальных камер своей удлинненно-трапециевидной формой и большими ромбическими дырками для завязок (рис. 12, 11). Особенно интересны две деревянные застежки, лежавшие среди костей туловищ коней 2—4, — возможно застежки приторочных или других ремешков от седла, а не

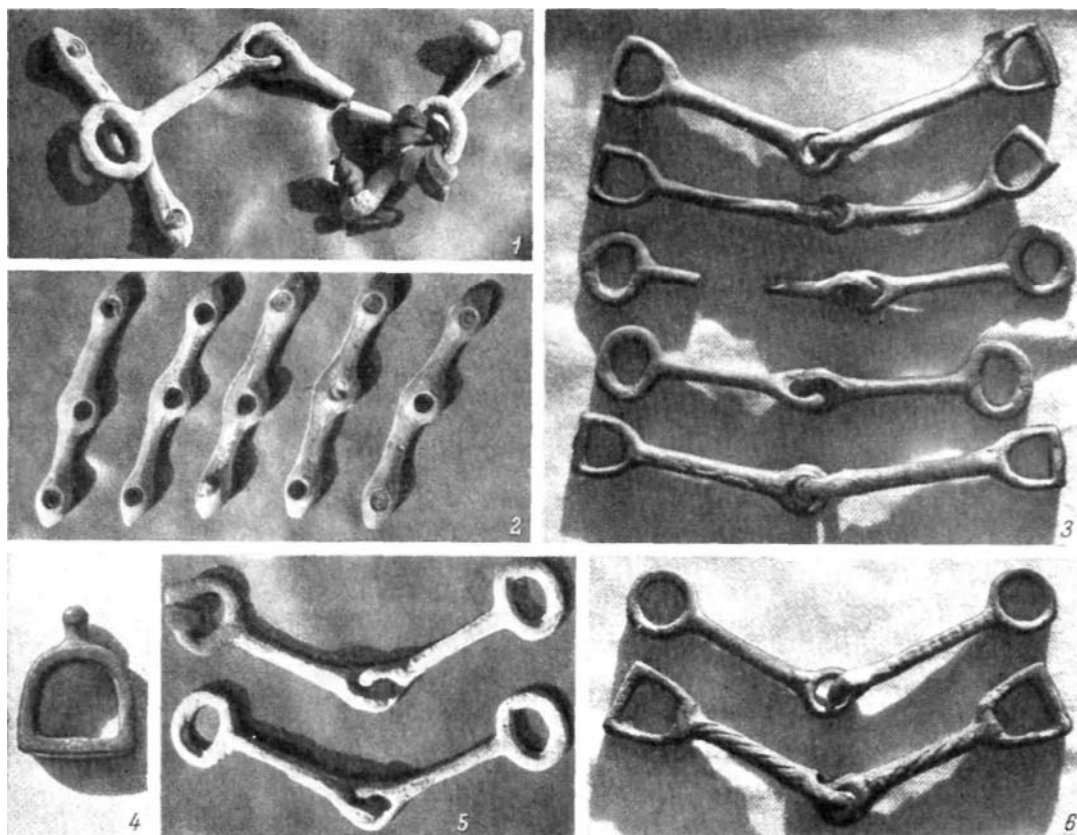

Рис. 23. Камера 26. Детали узды.

1—3, 5, 6 — 1/3 н. в.; 4 — 2/3 н. в.

узды, ибо они находились далеко от черепов. В таком случае эти находки, как и застежки из камеры 5, служат указанием на то, что кони были погребены с седлами, от которых, к сожалению, ничего больше не сохранилось. По обе стороны коней, вдоль юго-западной и северо-восточной стен камеры, стояли две колоды с захоронениями людей. Первая (юго-западная) — мог. 15, вторая — мог. 16. Обе подобны другим колодам, найденным в кургане.

Мог. 15 — колода размерами 180X60 см снаружи и 130X35 см внутри, с выпуклой долбленной крышкой. В ней скелет человека (видимо, мужчины старше 40 лет) на левом боку, в сильно скорченном положении: колени прижаты к груди, пятки у седалища, кисти рук у лица. Кости очень плохой сохранности: сплюснуты, измельчены, деформированы. Лежат в массе спрессованных фрагментов шерстяной ткани и меха пушных зверей.

Мог. 16 — такая же колода несколько больших размеров: длиной 2.3 м снаружи и 1.5 м внутри. В ней тоже плохо сохранившиеся кости, видимо,

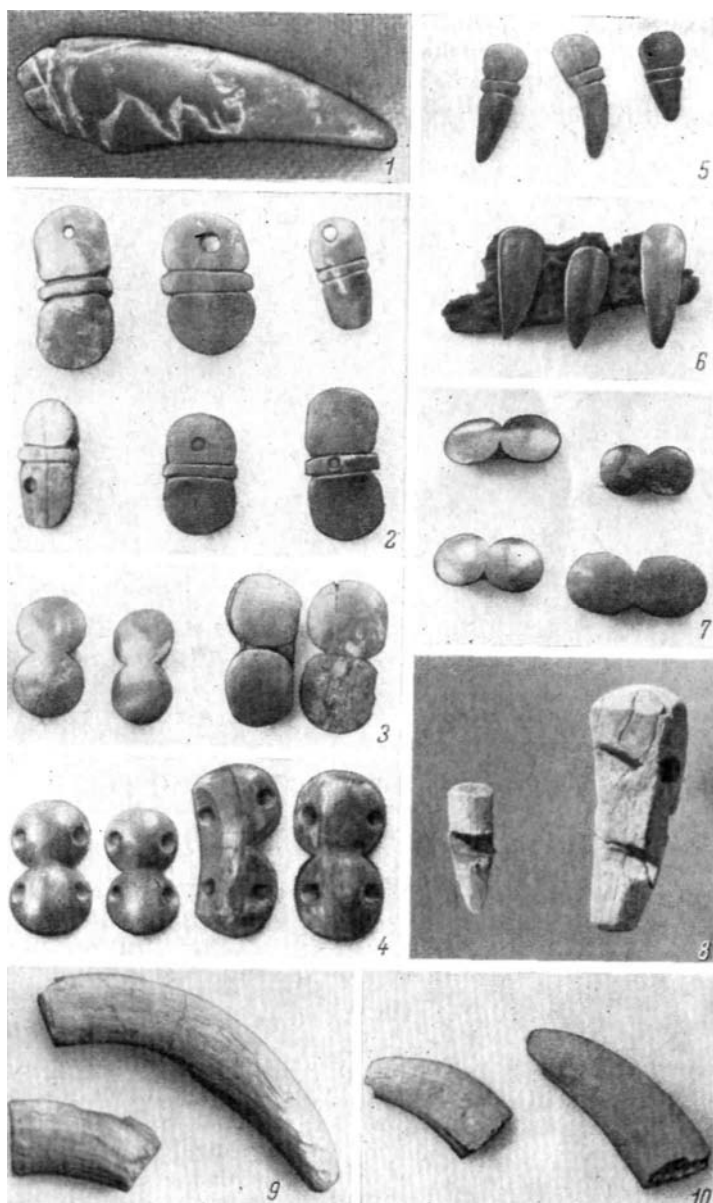

Рис. 24. Камера 26. Украшения узды.
 1, 8—10 — 2/3 в. в.; 2—7 — 3/5 н. в. (1—7 — клык кабана; * — деревянные
 вкладыши, выпавшие из клыков кабана; 9, 10 — дерево)Г

мужчины, погребенного в таком же положении. Также много остатков шерстяных и меховых одежд. Перед голенями пучок древков стрел (без наконечников), у пояса небольшая, сильно помятая серьга или булавка из золота.

Рис. 25. Камера 26. Бронзовые навершия. 1—5 — номера наверший; 6 — навершие 3; 7 — навершие 1 (1—5 — 1/3 н. в.; 6 — 2/3 н. в.; 7 — н. в.).

Камера 34а — довольно широкий (1.8—2.2 м) промежуток между камерами 34 и 35. В камере, сильно потревоженной грабителями, преимущественно в ее южной части, в полном беспорядке находились кости пяти коней, и среди них четыре комплекта бронзовых удил (рис. 28, 2), бронзовый псалий своеобразной формы (прямой стержень с тремя колечками), не встреченной ни в одной другой камере кургана (рис. 28, 1),

Рис. 26. Камера 26. Бронзовые навершия (н. в. 1 —
навершие 2; 2 — навершие 4.

и две подвески из клыков кабана. Посередине камеры поверх остатков потолка, среди камней, образующих насыпь кургана, обнаружен обломок оленного камня цилиндрической формы с искусно выбитыми на нем ри-

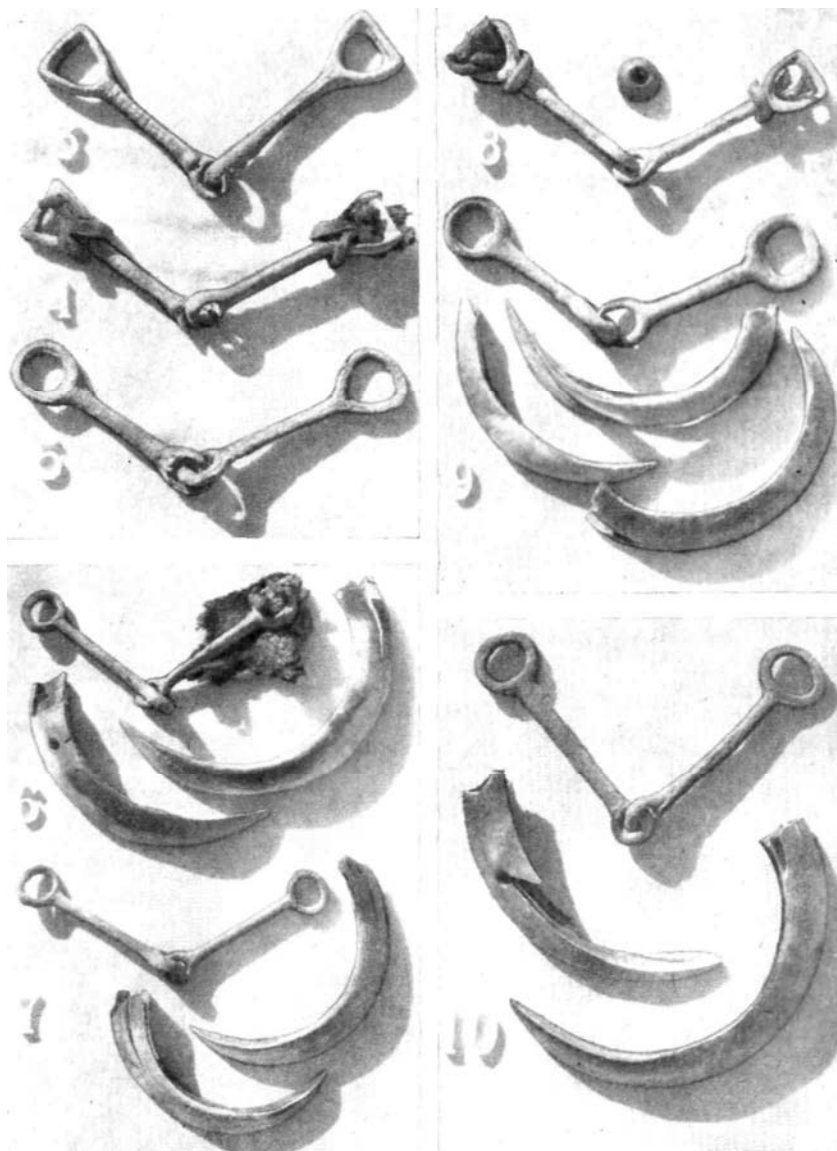

Рис. 27. Камера 31. Бронзовые удила и подвески из клыков кабана (1/3 н. в.). Цифры — номера коней, около которых сделаны находки.

сунками (рис. 29, 2) — пояс с подвешенными к нему кинжалом, оселком и луком, а ниже фигуры двух маралов (оленей) и шести кабанов.

Камера 37 — сруб площадью около 30 м² с остатками захоронения не менее 13 коней, сильно потревоженного грабителями. По некоторым группам костей, сохранившимся, по-видимому, на месте, можно предполагать, что кони были уложены в два или три ряда на левом боку, головой на юго-восток (по направлению к центральной могиле). Среди костей уцелело девять бронзовых удили (рис. 28, 2, 4); 11 роговых псалиев

(рис. 28, 5); 23 подвески из клыков кабана; бляшка каплевидной формы из клыка кабана; две роговые бляшки, круглая и квадратная; золотой нахвостник (рис. 12, 5). Все псалии своеобразной формы, не найденной в других камерах кургана.

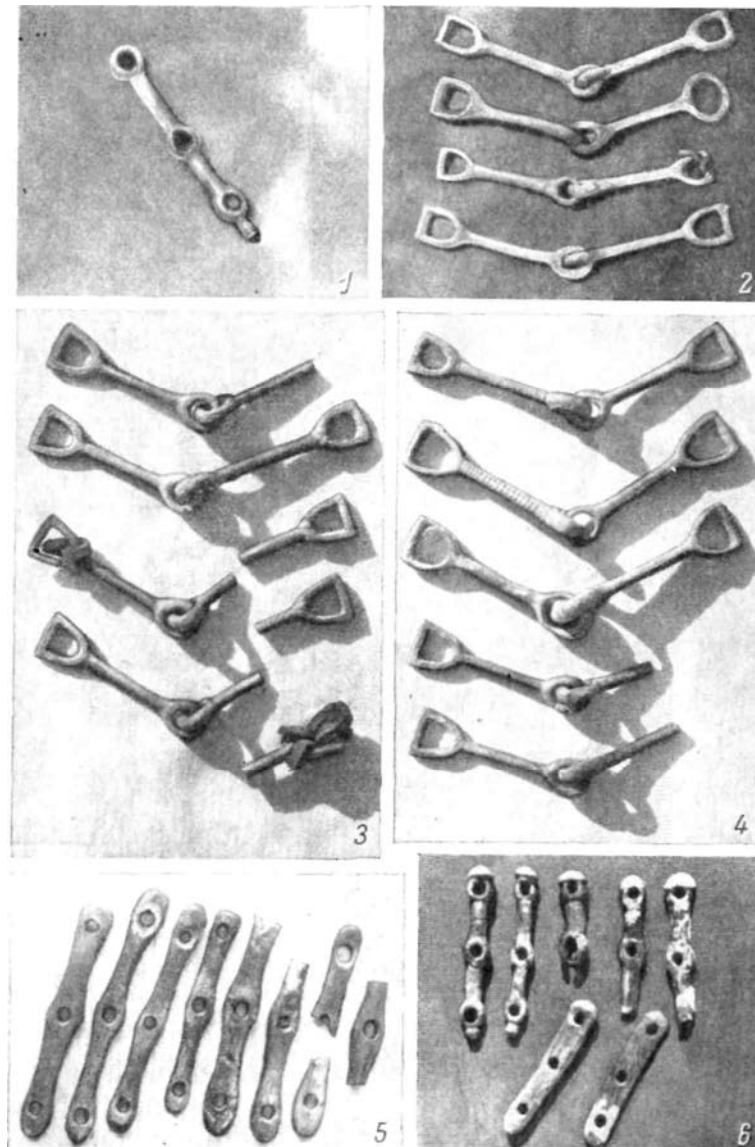

Рис. 28. Удила и псалии из конских захоронений.

1, 2 — камера 34а; 3—5 — камера 37; 6 — камера Б (1, 5 — 1/3 н. в.; 2—4, 6 — 1/4 н. в. 1—4 — бронза; 5, 6 — рог).

Камера 68 — очень плохо сохранившееся захоронение двух коней, видимо не потревоженное грабителями. Кости сильно истлели, многие полностью уничтожены временем. Все же можно видеть, что кони были положены на левом боку, головы их были помещены на бревно первого венца восточной стены камеры 68, т. е. первоначально на высоту около 80 см. В зубах обоих коней были найдены бронзовые удила.

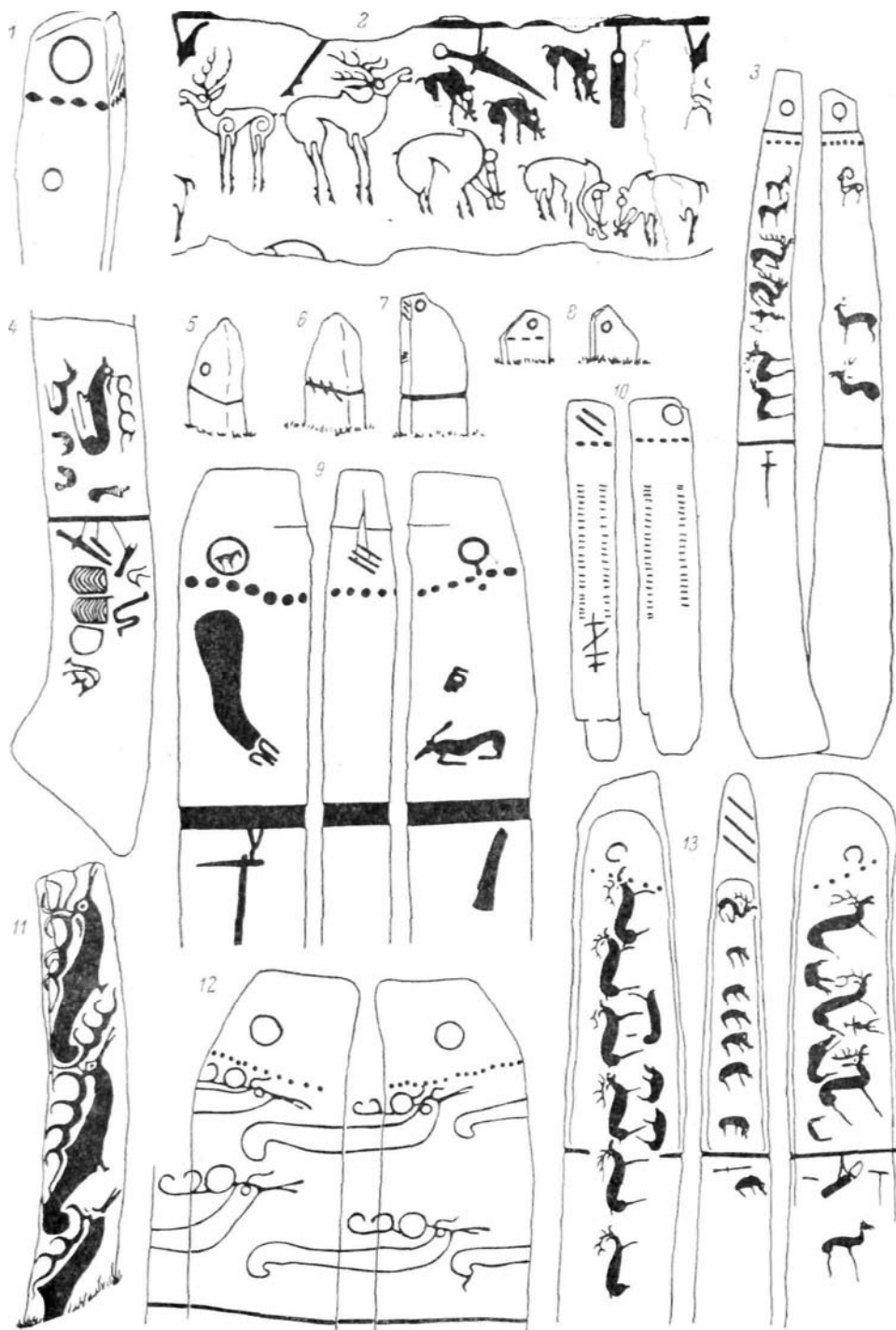

Рис. 29. Оленные камни Тувы.

1 — д. Сосновка; 2 — Аржан (в развороте); 3, 10 — Орзак-Аксы (10 — схема); 4 — второй туранский камень; 5, 6, 8 — оз. Белое близ Аржана; 7 — д. Уюк; 9 — Самалгатай; 11 — Большой Ажик; 12 — Чингатай; 13 — Уюк-Аржан (1—4, 9—13 — по эстампам Аржановой экспедиции; 5—8 — по: J. soc. finno-oug. 1907, t. 24, p. 17—29).

Таким образом, из 70 раскопанных камер только в 13 обнаружены захоронения. Камера 1 была могилой «царя» с «царицей» (?), восьми погребенных с ними «вельмож» и шести верховых коней. В камерах 2, 2—3, 3, 5, 10, 17, 20, 26, 34а, 37 захоронены верховые кони; в камерах 13 и 31 — «вельможи» и верховые кони; в камере 9 — «вельможа». Остальные камеры не были использованы для захоронений — они пустые. В некоторых из них найдены лишь отдельные предметы, попавшие, вероятно, случайно: в камере 8 — круглая пуговица из клыка кабана, подобная представленным на рис. 12, 9, бронзовые удила со стремечковидными кольцами; в камере 14 — бронзовый втульчатый наконечник стрелы (?); в камере 16 — бинарная пуговица из клыка кабана, аналогичная изображенным на рис. 24, 3, 4; в камере 45 — золотой нахвостник. Все указанные вещи обнаружены под бревнами потолка или среди них. Они могли попасть из соседних камер при разграблении кургана либо в разное время при многочисленных перекопках его насыпи или в каких-нибудь иных случаях.

Выше, над потолком срубов, среди камней насыпи, по словам очевидцев, неоднократно находили кости человека и около них различные предметы: железные стремена, удила, наконечники стрел. Нами также найдено несколько мелких вещей: железный наконечник стрелы, бусы, железная пряжка и др. Над камерой 16 мы обнаружили два скелета жеребят. Все это, вероятно, остатки более поздних захоронений, совершенных в камнях насыпи. Над камерой 17 встречен каменный молоток. Его происхождение, возможно, иное. Он мог попасть в насыпь вместе с галькой и мелкими камнями во время сооружения кургана.

КАМЕННЫЕ КОЛЬЦА ВОКРУГ КУРГАНА

Каменные выкладки располагались полосой в два-три ряда около подошвы кургана на расстоянии 15—30 м и охватывали больше половины его окружности на протяжении примерно 300 м. Нами раскопан участок этой полосы в ее юго-восточной части площадью 20X13 м (рис. 1, А). Здесь открыты развалы каменных небольших сооружений, расположенных в три ряда (рис. 5, *справа*). Расчистка их показала, что это были круглые оградки диаметром 2—3 м, сложенные из бутового камня. Первоначальная высота оградок не превышала, вероятно, 70—80 см. На раскопанном участке оказалась 21 оградка. Подобного рода оградки, также расположенные полукольцом или несколько иначе вокруг больших царских курганов времени ранних кочевников, известны в нескольких пунктах Казахстана.⁵ Однако более широко они распространены в Туве,⁶ Монголии⁷ и Забайкалье.⁸

В оградках захоронений не встречено. Только в почвенном слое среди развалов камней и между ними собрано немного костей животных. Из 21 определенной кости две принадлежали овце или козе (обломки плечевой и бедренной), две — быку (астрал и обломок плечевой), осталь-

⁵ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 168, рис. 15, с. 301, рис. 30 («Могильник 37 воинов» и курган Бесшатыр).

⁶ Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М., 1970, с. 17.

⁷ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улаң-Батор, 1967, с. 49, рис. 24.

⁸ Талько-Гринцевич Ю. Материалы к палеознологии Забайкалья. — Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. РГО, 1898, т. 1, вып. 3, табл. III, VIII, X.

ные 17 — нескольким особям лошади (череп, семь фрагментов черепов и зубы, два обломка плечевой и лучевой, три метаподии, астрагал, пяточная, две фаланги). Четыре фрагмента костей барана и быка, обнаруженные на площади 260 м², могли оказаться здесь и случайно, но остатки костей коня найдены в очень характерном сочетании — только черепа и кости ног ниже голеностопного сустава. Нет позвонков, ребер и крупных костей конечностей, которые обычно составляют основную массу костного материала. Несомненно, это остатки шкур коня с оставленными в них черепом и костями ног. Можно предполагать, что оградки сооружались на месте совершения жертвоприношения коня во время поминальных тризн и шкуры жертвенных животных были оставлены на месте поминок. Такой обычай широко распространялся у степных народов начиная с энеолита и сохранился почти до наших дней.⁹ Если оградки, окружающие курган Аржан, действительно являлись местами жертвоприношений коня, то надо считать, что на поминальных тризнах было съедено около 300 лошадей и в них приняло участие не менее 10 тыс. человек. Совершалось ли все это в один прием, или тризны устраивались несколько раз, например ежегодно в течение первых трех лет, остается неизвестным.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Похороны «царя» совершены с исключительно пышным и богатым обрядом погребения. Об огромном количестве и ценности находившихся в кургане сокровищ мы можем лишь догадываться, ибо все самое дорогое похищено грабителями. В гробах остались фрагменты роскошных одежд из собольих мехов и импортных тканей. На погребенном в мог. 2 было множество (вероятно, сотни, а может быть, и тысячи) мелких золотых украшений и бирюзового бисера (уцелели 54 золотые вещицы). В могиле самого «царя», судя по 20 найденным там бирюзовым вставкам, имелись какие-то роскошные художественные массивные золотые украшения. Золотые предметы с бирюзовой инкрустацией были, очевидно, и в могилах камеры 13. Золотая гривна, потерянная (?) грабителями, находилась первоначально на ком-то из погребенных в центральной камере. Все это говорит о том, что захороненные в кургане лица являлись представителями богатой кочевой знати и среди них был их верховный владыка — вождь большого племени или союза племен, называемый нами царем.

Характерно, что все это мужчины и все преклонного возраста (60 лет и старше — шесть человек; 40—60 лет — один; старше 50 лет — три; взрослые без уточнения возраста — два; возраст неизвестен, ибо кости не сохранились, — два человека), кроме одного — молодого человека 18—20 лет в мог. 4. В первых сообщениях о кургане высказано предположение, что в мог. 2 погребена женщина. Однако правильнее предполагать, что и в ней был погребен мужчина, ибо бисер и золотые пронизки могли украшать и мужскую одежду.

Ни в одном из царских курганов скифского времени не было встречено такого большого числа погребенных с царем сопровождавших его лиц. В обособленном, небольшом, но очень хорошо сделанном срубе находились погребения «царя» и, по-видимому, его жены. Вокруг сруба

⁹ Г р я з н о в М. П. 1) История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — Матер, и исслед. по археол. СССР, 1956, № 48, с. 107; 2) Бык в обрядах и культах древних скотоводов. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 81—83.

с трех сторон располагалось восемь небольших саркофагов (колод или маленьких срубов) с «вельможами». Еще одно такое же захоронение помещено в камере 9, примыкающей с севера к центральному сруб, а четыре захоронения — в камере 13, примыкающей с противоположной стороны к юго-западному углу центрального сруба. В этой камере имелись и конские захоронения: кости не менее семи верховых коней. Наконец, в отдалении от центрального сруба, в северном секторе кургана, в камере 31, захоронены два человека в колодах-саркофагах рядом с 10 верховыми конями. Всего с «царем» погребено помимо его жены (а может быть, наложницы-рабыни?) еще 15 человек. Все мужчины, кроме одного, преклонного или старческого, как и сам «царь», возраста, все в богатых одеждах. Это, вероятно, его приближенные, ближайшие сподвижники, подобные тем общественным лицам, которых скифы, по словам Геродота, погребали в одной могиле с царем: виночерпий, повар, конюх, телохранитель, вестник. Только наименования их надо понимать не буквально. Они не слуги, не прислужники «царя», а его свита из числа высокопоставленных должностных лиц.

Богатство и пышность похорон «царя» характеризуется и массовым захоронением верховых коней с уздечками. Не менее 160 верховых коней, в том числе шесть, более богато убранных, погребено в одной камере с «царем». Это, видимо, кони его «собственного седла». Остальные, как увидим дальше, — приношение на могилу царя от подвластных ему общественных коллективов и иностранных владык.

Погребальный обряд можно представить предположительно в таком виде. В сентябре¹⁰ на похороны «царя» съехались тысячи людей. Они срубили в ближайшем лесу вековые лиственницы и сложили из них огромное деревянное сооружение (1500 человек могли это сделать за 7—8 дней). В центральном срубе, в особом помещении с двойными бревенчатыми стенами, полом и потолком, уложили в деревянных колодах «царя» и «царицу» в богатых одеждах с драгоценными украшениями. Под полом этого помещения найдены хвостовые позвонки не менее 15 лошадей. Современные тувинцы говорят: «Не ездь верхом на олене — упадешь, наколешься на его рога; не ездь на быке — упадешь, напорешься на рога; поезжай на коне — упадешь, он тебе подстелит хвост и гриву, мягко ляжешь на землю». У нас при похоронах принято было говорить, обращаясь к усопшему: «Пусть земля тебе будет пухом». Ранние кочевники Тувы выражали эту идею материально, выстилая землю в могиле царя конскими хвостами и гривами.

Курган разграблен еще в древности. Могила «царя» опустошена. Остались в ней обрывки одежд из импортных, переднеазиатских узорчатых шерстяных тканей и собольего меха, небольшие фрагменты различных украшений, в том числе и золотых, бирюзовые бусины и тонкие пластинки. Особенно важно отметить находку 20 мелких бирюзовых пластинок. Это вставки (инкрустация) массивных литых золотых украшений с изображениями зверей, известных нам по золотым бляхам Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже. Значит, одежды царя в Аржане были украшены золотыми бляхами, исполненными в зверином стиле.

С трех сторон вокруг помещения с «царем» в отдельных колодах захоронили семь старцев и одного молодого человека, знатных, в богатых одеждах, с оружием. В их могилах найдены остатки одежд из импортных тканей и дорогих мехов, золотые украшения, бронзовые стрелы и кинжал. С четвертой, восточной стороны уложили шесть верховых коней (видимо, самого «царя») с богатыми уздечками, вероятно,

¹⁰ Пять спилов бревен из кургана Аржан изучены Е. А. Вагановым в Институте физики им. Л. В. Киренского (Красноярск). Микрофотометрический анализ показал, что бревна срублены в один год в августе—сентябре и почти не лежали в лесу после рубки. По аналогии с курганами Алтая следует предполагать, что погребение в Аржане совершено в сентябре.

и с седельными уборами. Ремни были украшены бляхами и подвесками из золота, серебра, клыков кабана и антигорита.

В шести срубах, расположенных около центрального с южной и восточной сторон (рис. 3, 2, 3, 5, 13, 17, 20), погребено по 30 и по 15 верховых коней в каждом и три коня отдельно между срубами 2 и 3. Возможно, это дары погребенному от подвластных ему семи племенных подразделений. По материалам Пазырыкских курганов на Алтае, мною было высказано предположение, что кони в царских курганах Алтая и Скифии не являлись собственностью погребенного в могиле царя, а представляли собой дары от подчиненных ему племенных и родовых подразделений.¹¹ То же и в Аржане, уздечные уборы всех семи групп верховых коней однотипны, но в каждой отдельной группе довольно отчетливо выражены этнографические отличия ее от остальных групп. Лучше всего это можно наблюдать по псалиям. Так, в камере 20 сохранились бронзовые псалии восьми уздечек. Все они одного типа — слабоизогнутый стержень с тремя круглыми отверстиями, грибовидной шляпкой наверху и конической головкой на тонкой шейке внизу (рис. 30, 10—17). Назовем данный тип псалиев аржанским. Псалии каждой из восьми уздечек отлиты в особой форме. Псалии одной уздечки (правый и левый) совершенно идентичны по форме и размерам, псалии разных уздечек во всех случаях отличаются незначительными деталями друг от друга. В камере 2 у 11 из 14 сохранившихся уздечек псалии были того же самого аржанского типа и также несколько различны по мелким деталям; у двух они сделаны из челюсти коня (рис. 30, 9); у одной — из толстой кожи (рис. 14, 4). Уздечки многих коней в этой камере украшены большим числом подвесок из клыков кабана и лошади, чего в других шести камерах данной группы не наблюдалось. В камере 3 сохранились псалии 13 уздечек тоже аржанского типа. В отличие от камеры 2 здесь не встречено никаких уздечных украшений. В камере 5 псалии трех уздечек были бронзовыми, четырех — роговыми (рис. 30, 1—8). Все они аржанского типа, только роговые заметно отличаются от бронзовых по форме и пропорциям в связи с особенностями материала, из которого сделаны, и техники изготовления, иногда некоторой упрощенностью. В сильно разграбленной камере 13 уцелел только один псалии. Он того же типа, но выделяется среди псалиев всех остальных камер массивностью и тем, что стержень у него резко изогнут посередине, у нижнего отверстия имеется кольцевидное расширение, а у среднего — петлевидное (рис. 30, 18).

Вряд ли можно сомневаться, что уздечки и остальные детали конской сбруи в рассмотренных камерах принесены общественными коллективами одной культуры, хотя по различию в отдельных деталях можно предполагать принадлежность их разным этнографическим подразделениям. Назовем условно носителей этой культуры аржанскими племенами, предполагая, что в кургане Аржан погребен их владыка — царь или вождь. Среди захоронений семи групп верховых коней расположены погребения пяти знатных богатых старцев: четырех в камере 13 и одного в камере 9. В северной половине сооружения в трех срубах второго кольцевого ряда, в одном — первого ряда и в двух проходах между срубами погребено по два, пять, десять и т. д. верховых коней в каждом и еще два знатных старца. Сбруйные наборы в этих шести захоронениях различны, в каждом особого типа, отличного от наборов остальных захоронений. В камере 26 сохранились псалии семи уздечек: бронзовые короткие слабоизогнутые стержни с заостренными концами, с тремя отверстиями, вокруг которых на стержне как бы образовались вздутыя (рис. 30, 20—26). Назовем псалии этого типа остроконечными. Ни в какой другой камере псалии такого типа не обнаружены. Уздечки камеры 26 богато

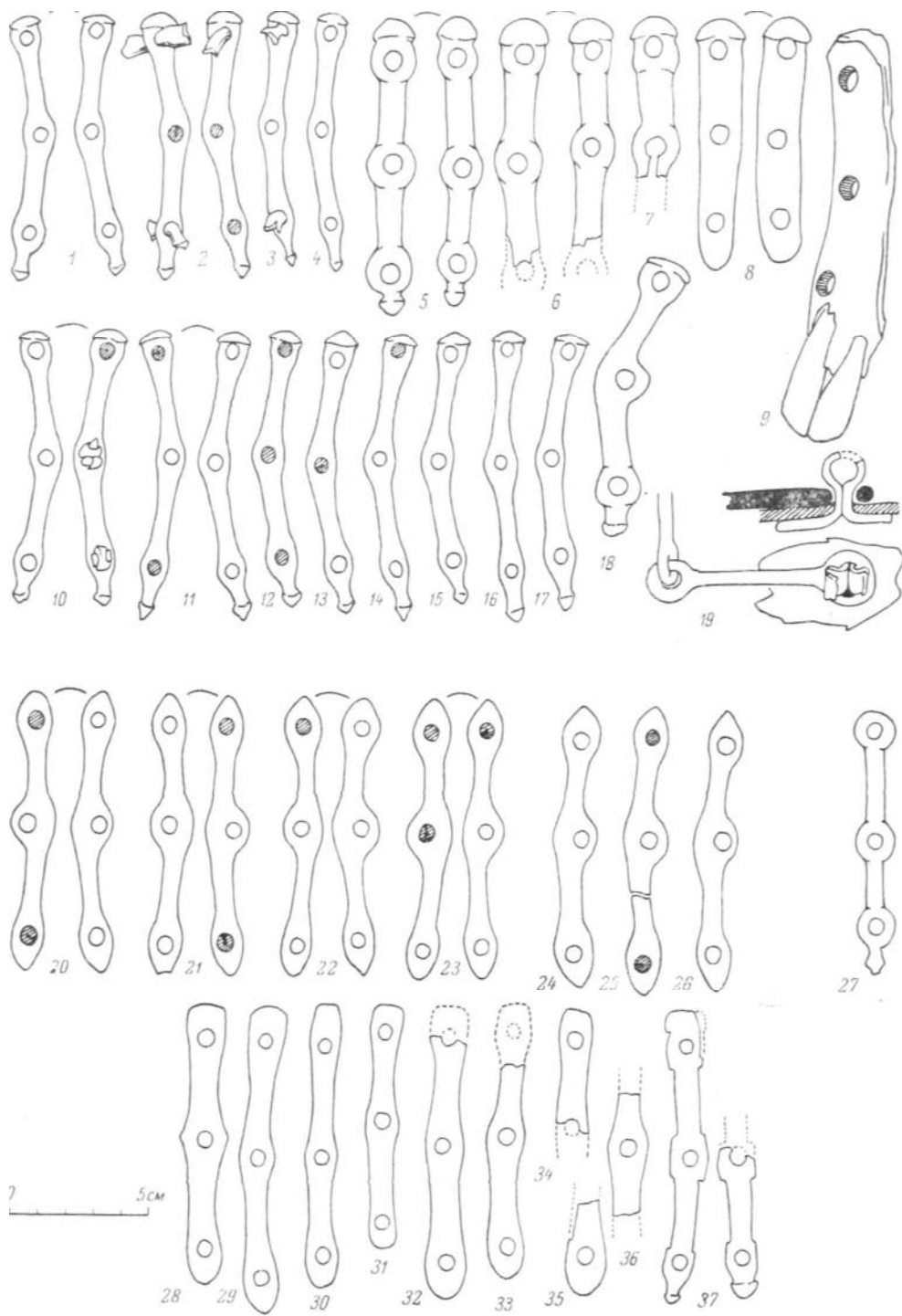

Рис. 30. Псалии кургана Аржан.

1—8, 10—18 — аржанский тип; 9, 19, 37 — нетипичные; 20—26 — остроконечные; 27 — трехко-
 лчатый; 28—36 — прямоверхие (1—5 — камера 5; 9 — камера 2; 10—17 — камера 20; 18 — камера 13;
 19 — камера 31; 20—26 — камера 26; 27 — камера 34; 28—37 — камера 37).

украшены. Найдено множество разнообразных бляшек, вырезанных из клыков кабана: круглых, бинарных, каплевидных, бабочковидных и др. (рис. 24, 1—7). Есть подвески из клыков кабана, трехжелобчатые и другие бляшки из аргиллита, какие-то деревянные фигурные накладки и т. д. Замечательны пять бронзовых наверший с фигурой горного барана, не имевших, однако, прямого отношения к сбруе коня (рис. 25, 26).

В камере 37 сохранились псалии девяти уздечек. Все они роговые, одного типа — прямой уплощенный трехдырчатый стерженек с небольшими расширениями около дырок. Верхний конец обрезан прямо, нижний — закруглен (рис. 30, 28—36). Назовем эти псалии прямоверхими. Только одна пара псалиев имеет более сложную форму, приближающуюся к таковой аржанского типа, но отличающуюся от последнего угловатыми прямоугольными очертаниями (рис. 30, 37). Прямоверхие псалии ни в одной другой камере не встречены. Несколько уздечек камеры 37 украшены подвесками из клыков кабана.

В камере 34 сохранился только один псалии (рис. 30, 27). Он своеобразного типа, нигде больше не обнаруженного. Это прямой бронзовый стержень с тремя колечками-дырками. Нижний конец имеет маленький биконический отросток. Назовем этот тип трехкольчатым.

В совершенно нетронутых грабителями захоронениях коней в камере 31 у всех 10 особей сохранились *in situ* на черепе удила и не встреченные в других камерах длинные клыки кабана, по два-три у черепа. Псалии отсутствуют. Только в одном случае уцелела часть ремня, прилегающая к кольцу удила, соединявшая последние с круглой деревянной палочкой — псалием (рис. 30, 19). Очевидно, у всех 10 коней были деревянные псалии, форма и устройство которых, к сожалению, остались нам не известны.

Итак, псалии каждой из четырех вышеназванных камер (26, 31, 34, 37) относятся к особому типу, отличному от аржанского и от типов из других камер. Это дает право предполагать, что кони камер северной половины кургана принадлежали разным этническим образованиям (племенам или племенным союзам), в то время как кони из семи камер южной и восточной частей кургана принадлежали аржанским племенам, составлявшим, по-видимому, одно большое этническое образование. Возможно, что кони в захоронениях северной половины кургана — приношения «великому царю» от соседних, не подчинявшихся ему племен. Вспомним, что в более позднее время, когда хоронили первого тюркского кагана Истеми, на его похороны съехались «плачущие и стонущие» со всех концов земли, в том числе и от некоторых не подвластных тюркам племен и народов Тихоокеанского побережья, сибирской тайги, Средней Азии и даже «авары и Рим», т. е. посланцы кочевников южнорусских степей и далекой Византии.¹²

Массовые захоронения коней в скифских царских курганах давно уже привлекали внимание исследователей. Считалось, что кони в них являлись собственностью царя, его богатством, и то, чем он владел, должно было следовать за ним в могилу. В связи с находкой в кургане Ульского аула на Кубани сотен скелетов лошадей говорили, что это было захоронение табунов царя. По числу лошадей Аржан занимает второе после кургана Ульского аула место: в нем открыто не менее 160 верховых коней, и все они жеребцы, все старые, не моложе 12—15 лет. Следовательно, о табунах царя здесь не может быть и речи, ибо поголовье табуна состоит в значительной части из молодняка и кобылиц, а в Аржане погребены были лишь старые жеребцы. Так, очевидно, было и в скифских курганах. На Алтае же, как известно, с вождем хоронили только жеребцов.

¹² М а л о в С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951, с. 36.

Замечательно, что на Алтае и в Скифии число сопровождавших царя коней было не случайным или произвольным, а строго определенным: на Алтае чаще всего 10 или 14 либо половина этого количества. В одном из Келермесских курганов были две группы коней, в каждой по 12 голов; в другом — также две группы, в каждой по восемь коней. В Чертомлыке и кургане Козел — по 11 коней в трех группах (соответственно три, четыре и четыре). Закономерности в числе и расположении коней в царских курганах Скифии, в алтайских курганах пазырыкского типа и некоторые другие наблюдения позволили предположить, что эти кони являлись не собственностью царя, а приношениями от представителей подчиненных ему общественных подразделений, что структура кочевых обществ периода военной демократии была строго определенной в смысле правильного соотношения числа племен, фратрий, родов.¹³

Не случайно, а закономерно и число верховых коней, погребенных в южной половине кургана Аржан. В двух смежных камерах уложено по 30 коней (камеры 2 и 3), в третьей (камера 5) — 15. К сожалению, в трех других камерах, ограбленных и сильно потревоженных, в которых многих костей недостает, число погребенных коней осталось неизвестным. Ясно лишь, что в камере 20 их было не менее 18 (не могло ли их быть 30?), а в камерах 13 и 17 — не менее семи и восьми (не было ли их по 15? Эти камеры значительно меньше остальных и не могли вместить по 30 лошадей). Следует отметить, что уборы коней в камерах 2, 3 и 5, относительно хорошо сохранившихся, заметно различаются. В камере 2 многие уздечки украшены большим числом конских и кабаньих клыков, а четыре снабжены совершенно необычными, впервые встреченными кожаными псалями и псалями из челюсти коня с зубами. Найдена серия других предметов. В камере 3 кроме стандартных удил с бронзовыми псалями ничего не находилось; судя по уцелевшей шерсти нескольких коней, все они были рыжей масти. В камере 5 уздечки были того же стандарта, но половина их имела не бронзовые псалии, а роговые, имитирующие форму бронзовых; кони же, как свидетельствуют остатки шерсти, сохранившейся на нескольких из них, были соловой масти. Эти наблюдения позволяют предполагать, что кони Аржана также являлись приношениями от подчиненных «царю» общественных подразделений и число этих подразделений было каким-то закономерным: повторяются числа 30 и 15.

Рассмотренные детали погребального обряда в Аржане и интерпретация некоторых из них рисуют нам картину похорон «царя» как большое событие в жизни племени или союза племен, как всенародное огромное траурное торжество. Можно представить себе, как тысячи людей собрались, чтобы отдать последнюю честь своему царю, как они на конях волокли вековые лиственницы, чтобы построить огромное деревянное надгробное сооружение, как везли, тащили и несли большие и малые камни, как женщины и дети собирали в свои шапки, мешки и подола речную гальку и сыпали ее на могилу, чтобы сделать курган как можно больше и выше, и как затем на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя.

ДАТИРОВКА И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Скифское время можно, пользуясь образным выражением Ф. Энгельса, назвать героической эпохой¹⁴ в истории населения наших степей, эпо-

¹³ Г р я з н о в М. П. Первый Пазырыкский курган, с. 70.

¹⁴ Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 162.

хой, которую в свое время пережили все современные цивилизованные народы, эпохой, когда на обширных территориях от Карпат почти до берегов Тихого океана, от пустынь Средней Азии до сибирской тайги многочисленные древние племена поднялись на новую ступень своего экономического развития — перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству, а соответственно этому — к кочевому и полукочевому образу жизни, стали создавать в условиях развитого межплеменного культурного обмена многочисленные культуры скифо-сибирского типа, самобытные и своеобразные, но единые во всем своем многообразии. Археологически они характеризуются так называемой скифской триадой (оружие, сбруя, скифо-сибирский звериный стиль).

Скифское время, опять следуя определениям Ф. Энгельса, это эпоха „военной демократии”,¹⁵ эпоха непрерывных варварских войн, порождавших народных героев, эпоха небывалого для своего времени экономического подъема, а также небывалого расцвета искусств. Зарождается и развивается героический эпос, достигает изумительного блеска изобразительное искусство, так называемый скифо-сибирский звериный стиль.

Полностью преобразился облик степей. Медленно двигались по их просторам в своих жилых повозках кочевники с огромными стадами скота и табунами лошадей. Иногда это были целые города на колесах. Произошла коренная ломка быта. Вслед за переменами в системе скотоводческого хозяйства, для того времени высокопроизводительного специализированного производства, перестроился весь жизненный уклад. Постоянное передвижение с одного пастбища на другое создавало новые условия хозяйственного, домашнего и семейного быта и привело к переоформлению всей культуры в целом. У разных в прошлом по культуре племен сложилась новая культура, более или менее единообразная на всем пространстве степей.

Когда же это произошло? По традиционным взглядам на историю скифской культуры — в VII в. до н. э. Скифская эпоха — один из наиболее хорошо разработанных разделов советской археологии. Основные положения о происхождении скифов и скифской культуры, о развитии культур скифо-сибирского типа хотя и неоднократно дискутировались, но до последних дней оставалось незыблемым общее представление о том, что скифская культура возникает в Причерноморье во второй половине VII в. до н. э., что на восток, в Сибирь, достижения скифской культуры (или ее первоисточников в Иране) проникали с запаздыванием и в измененном виде. Однако еще более 20 лет тому назад А. А. Иессен, собирая по крохам материал по памятникам предскифского времени, на мой взгляд, убедительно показал, что VIII—VII вв. до н. э. в степях Причерноморья были «начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина».¹⁶ Значит, скифская культура формировалась еще в VIII в. до н. э., т. е. задолго до легендарных походов скифов в Переднюю Азию.

За прошедшие после этого годы стало известно много новых памятников VIII—VII вв. до н. э. в разных местах степной полосы, но работа А. А. Иессена не потеряла своего значения, свежести и сейчас. Скифологи не приняли положения о ранней поре скифской культуры и продолжают относить начало скифской культуры к так называемому ранне-скифскому времени — VII—VI вв., а памятники VIII—VII вв. — либо к предскифскому периоду, либо к киммерийцам. Между тем раскопки царских курганов (Птичата Могила в Болгарии близ г. Варны, Высокая Могила в Запорожье и курган Аржан в Туве) заставляют коренным образом пересмотреть вопросы происхождения и сложения культур скифо-си-

¹⁵ Там же, с. 164.

¹⁶ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — Сов. археол., 1954, вып. XVIII, с. 109.

бирского типа. Совершенно исключительную роль в этом отношении играет курган Аржан.

Аржан по своему содержанию — сложный, многосоставной памятник. Он состоит из могилы «царя» с «царицей» и 15 захоронений «вельмож», семи массовых захоронений верховых коней, принесенных в дар подвластными племенными подразделениями, и шести таких же захоронений коней, присланных «царю» иностранными владыками. Все эти 29 захоронений являются, во-первых, закрытыми археологическими комплексами, во-вторых, памятниками разных районов страны, которой управлял погребенный, а частично и соседних с ней стран. Значит, Аржан надо рассматривать как 29 отдельных археологических комплексов, датируемых одним днем, но происходящих из 13 разных географических пунктов. Семь из них относятся к одному большому географическому району и характеризуют культуру его населения. Будем называть эту культуру аржанской, или, осторожнее, аржанским этапом культуры ранних кочевников Тувы. Территория ее совпадает, вероятно, с Тувинской и Турано-Уюкской котловинами, а может быть, заходит и несколько дальше на юг. Шесть других комплексов происходят из каких-то, видимо, не очень удаленных от Тувы районов с населением, близким по культуре к аржанским племенам. Территорию, занимаемую племенами аржанской культуры, характеризуют, очевидно, и первые 14 могил с захоронениями людей, а один из районов где-то за пределами этой территории — мог. 15 и 16.

Аржан — памятник не одного какого-то общественного коллектива, а разных племен, принадлежавших одной большой этнокультурной общности. Этот уникальный памятник для чисто археологических нужд представляется более ценным, чем, например, могильник, состоящий из 29 отдельных курганов или могил. В отличие от обычного могильника захоронения в нем не разновременные, а точно синхронные, совершенные в один день и происходящие не из одного пункта, а с более или менее обширной территории. Это дает нам право так же уверенно опираться на материалы Аржана при определении эпохи его сооружения, как если бы мы располагали материалом из раскопок 29 курганов разных районов Тувы.

Открытие царского кургана Аржан в Туве ставит перед археологами неожиданно некоторые новые вопросы по хронологии памятников ранних кочевников, важные в конкретно-историческом плане, а также в методическом и теоретическом отношении. На примере Аржана можно видеть, что довольно широко распространенный прием датирования отдельных курганов путем поиска аналогий найденным в них вещам среди других датированных памятников может привести и уже привел некоторых авторов к неправильным хронологическим определениям.

Курган Аржан заинтересовал многих исследователей. По аналогии: с другими известными памятниками его датируют по-разному: одни — VIII—VII вв. до н. э., другие — началом VII в., третьи — «не позже VI в. до н. э.» и т. д. Это определение древности кургана в абсолютных датах. Аржан относят к периоду, предшествовавшему раннескифскому времени, считают его раннескифским, определяют как самый ранний из раннескифских памятников. Это в рамках относительной хронологии. Но в обоих случаях вопрос решается путем поисков аналогий вещам Аржана и элементам его погребального обряда и архитектуры.

Аналогии Аржану противоречивы. Замечательной бляхе Аржана со свернувшимся в круг хищником нет аналогий раньше VII в. до н. э. В Минусинской котловине аналогии вещам Аржана находятся только в памятниках VI—V вв., не раньше (бронзовый чекан, трехжелобчатые бляшки и др.), а в степях Причерноморья, наоборот, — в памятниках VIII—VII вв., не позже (те же трехжелобчатые бляшки, бронзовые псалии черногоровского типа, бляшки из клыков кабана и пр.).

Очевидно, при сравнении памятников разных этапов одной культуры или хронологически близких культур надо сопоставлять не отдельные категории вещей, а их комплексы, и даже не отдельные памятники, а культурно-исторические комплексы, т. е. культуры, этапы, представителем которых является изучаемый памятник. Значит, первая задача — установить место изучаемых памятников в системе археологической периодизации данного района по комплексу всех определяющих их данных (устройство, погребальный обряд, вещи); после этого нужно определить дату по аналогиям с хорошо датированными типами вещей опять же не отдельных памятников (курганов, могил и пр.), а всего этапа или культуры в целом. Тогда не повторятся ошибки, подобные тем, какие допустил в 1928 г. С. В. Киселев при попытке периодизации тагарской культуры. Он датировал курганы каждый по отдельности.¹⁷ Затем объединил одинаково датированные курганы в хронологические группы и получил таким путем совершенно неудачную периодизацию татарских памятников, которую впоследствии должен был заменить другой.¹⁸

Датировать в цифрах абсолютной хронологии необходимо весь период в целом, всю совокупность памятников, а не отдельные курганы, могилы и т. д. Только после этого можно переходить к более дробным точным датировкам отдельных памятников.

При хронологических штудиях по материалам какого-либо памятника нужно определять и учитывать уровень его информативности. Распространено представление, что вещи каждой могилы принадлежали погребенному в ней лицу и характеризуют на примере этого лица ту социальную и этническую группу, представителем которой он являлся, что каждая могила — только один закрытый комплекс. Подобное представление может быть правильным лишь по отношению к рядовым могилам, например общинников скифского времени, но оно в корне неверно по отношению к так называемым царским курганам того же времени и курганам племенной знати.

Во-первых, сложное могильное сооружение и множество положенных в могилу царя разнообразных предметов характеризуют быт и культуру не столько социальной верхушки, сколько всего общества в целом, рассказывают о жизни и деятельности основных трудовых слоев общества, всего племени или народа в целом: о технике, хозяйстве, быте, социальном строе, культурных и экономических связях с народами других стран, мировоззрении, религиозных представлениях, искусстве. Это хорошо можно было видеть на примере Пазырыкских курганов. По материалам только одного кургана оказалось возможным представить очень полную картину жизни и деятельности ранних кочевников Алтая V—III вв. до н. э.¹⁹

Во-вторых, значительная часть погребенных с царем ценностей ему не принадлежала, а, как показало исследование царских курганов в Пазырыке, представляла собой дары ряда общественных подразделений. Это было несколько разных закрытых комплексов. Значит, царские курганы ранних кочевников по количеству и характеру содержащейся в них информации стоят на более высоком и качественно ином уровне, чем могилы рядовых общинников. В отличие от последних они характеризуют культуру всех слоев общества и представляют собой не один закрытый комплекс, а несколько, соответственно числу общественных подразделений, принесших погребенному свои дары. Одна царская могила для целей датирования имеет такое же значение, как 10, 14, 24 и т. д. отдельных

¹⁷ Киселев С. В. Татарская культура. — Тр. Секции археол. РАНИОН, 1928, т. 4.

¹⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — Матер. и исслед. по археол. СССР, 1949, № 9.

¹⁹ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган.

обычных могил, ибо в ней содержится 10, 14, 24 и т. д. разных комплексов (например, конских захоронений в Пазырыкских курганах).

Курган Аржан, состоящий из 29 археологических памятников, синхронных до одного дня, представляет собой прочную основу как для характеристики аржанского этапа, так и для определения его относительной и абсолютной даты. В существующей периодизации эпохи ранних кочевников в Туве аржанскому этапу нет места. Он, очевидно, находится за ее пределами. Типологически предшествует алдыбельской культуре А. Д. Грача²⁰ или первому этапу уюкской культуры Л. Р. Кызласова,²¹ определяемым VII—VI вв. до н. э. Предшествует и синхронным им май-эмирскому этапу на Алтае²² и тасмолинской культуре в Казахстане.²³ Особенно четко это можно видеть по уздечкам. Ни один тип или вариант уздечек, конкретнее — псалиев, известных по памятникам VII—VI вв. в Туве, на Алтае, в Казахстане и Причерноморье, не представлен в комплексах Аржана. И, наоборот, ни один из вариантов уздечек, найденных в комплексах Аржана, не встречен в памятниках VII—VI вв. Отсюда аржанский этап следует определять временем не позже начала или середины VII в. до н. э., вероятно VIII—VII вв.

Так определяется абсолютная дата аржанского этапа методами чисто археологическими. Это определение подтверждается и радиоуглеродным методом. В лаборатории ЛОИА Ю. Н. Марков, анализируя три образца, взятых от одного ствола из сооружений Аржана (периферийную часть спила, центральную и среднюю между ними), получил соответственно даты: 800±50 лет до н. э. (2750±50 лет тому назад); 850±50 (2800±50); 820±50 лет до н. э. (2770±50 лет тому назад). Значит, курган датируется 800 г. до н. э., точнее — самым началом VIII в. до н. э. Недавно опубликованные результаты дендрохронологического определения даты кургана,²⁴ к сожалению не могут быть приняты, так как оказалось, что при идентификации графиков годовых колец бревен Аржана и Туэжты была допущена ошибка.

Аржан не единственный памятник аржанского этапа в Туве. Данному этапу принадлежат, вероятно, не все, но значительное число так называемых оленных камней Тувы. Обломок оленного камня, найденный в 1971 г. в Аржане (рис. 29, 2), — первый случай хронологической привязки оленных камней к погребальным комплексам. Замечательно что в том же 1971 г. в Болгарии, в упомянутом царском кургане VIII—VII вв. до н. э. Птичата Могила, найдена стела круга раннескифских изваяний Причерноморья, ананьинских стел Приуралья, оленных камней Саяно-Алтая и Монголии. Это первая находка достоверно киммерийской стелы.²⁵

Оленный камень Аржана принадлежит, видимо, к одной из ранних форм антропоморфных стел Тувы и Монголии. Можно предполагать, что древнейшими были круглые столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов которые первоначально изготовлялись, вероятно, из круглых стволов дерева. Таковы камень из Кобдо и аржанский. Они правильно-цилиндрической формы: один без изображений зверей, другой

²⁰ Грач А. Д. Центральная азиатский регион скифо-сакского пояса степей. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979.

²¹ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер., 1958, № 4.

²² Грязнов М. П. Памятники май-эмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — Кратк. сообщ. Ин-та ист. матер. культ., 1947, вып. 18.

²³ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

²⁴ Захарьева Е. И. Дендрохронологическое исследование кургана Аржан. — Сов. археол., 1976, № 1, с. 100—108.

²⁵ Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. — В кн.: Тракия I. София, 1972.

с фигурами оленя и кабана. Ранними же были, очевидно, и столбообразные четырехгранные стелы с более архаичными изображениями зверей на прямых ногах с опущенными вниз копытами. Одна из них, известная в литературе под названием Уюк-Аржан, находилась в 1 км от кургана Аржан (рис. 29, 13), другая — в 15 км к юго-востоку от кургана в урочище Орзак-Аксы (рис. 29, 3).

Более поздними надо считать столбообразные или плитообразные антропоморфные стелы со стилизованными изображениями оленей в стремительном беге. Один такой камень стоит в 6 км к юго-западу от Аржана в урочище Чингатаг (рис. 29, 12), другой — в местности Большой Ажик в 100 км к востоку от г. Кызыла (рис. 29, 11).

В Туве изображения оленных камней сильно варьируют: от простых, крайне схематичных рисунков воина, на которых условно показаны лишь ожерелье, пояс, серьги (рис. 29, 1, 5—8, 10), до более полных и понятных фигур человека с едва намеченными лицом и рукой (рис. 29, 9). Аналогии этим памятникам есть на Урале, Северном Кавказе, в Северном и Западном Причерноморье и датируются предскифским или киммерийским временем.²⁶

Если для датировки Аржана обратиться к рассмотрению типов найденных в нем вещей, то, как это ни странно, ближайшие аналогии им найдутся не в степях Азии, а далеко на западе, в степях Причерноморья. Это прежде всего стрелы. Набор бронзовых и костяных наконечников стрел почти полностью совпадает со стрелами Высокой Могилы Запорожья и других памятников VIII—VII вв. до н. э.²⁷ Многочисленные бляшки разных форм, вырезанные из клыков кабана, находят себе аналогии только в Северном Причерноморье. Разные их варианты, иногда совершенно подобные аржанским, найдены в комплексах Веселой Долины на Северском Донце, Субботовского городища на Днепре и поселений белозерского этапа в Широком и Кирово.²⁸ Все комплексы VIII—VII вв.; в более поздних памятниках скифского времени подобные вещи неизвестны. Также VIII—VII вв. по аналогии с памятниками начального этапа скифской культуры следует определять трехжелобчатые бляшки Аржана, сделанные из зеленого антигорита, белого аргиллита, и деревянные, покрытые золотом.²⁹

В Аржане среди многих десятков псалиев от уздечек, бронзовых, роговых, кожаных и деревянных, нет ни одного, который имел бы аналогии в памятниках VII—VI вв. до н. э. Зато основная их масса — изогнутые, трехдырчатые, с грибовидной шляпкой, аржанского типа, с конически заостренными концами, типа остроконечных — находит аналогии в памятниках VIII—VII вв. Причерноморья.³⁰

В системе относительной хронологии Аржан должен занять место, предшествующее раннескифскому периоду; даты абсолютной хронологии — VIII—VII вв. до н. э. Аржанский этап, следуя А. А. Иессену, надо считать начальным этапом скифской культуры. Основное препятствие для признания памятников этого периода в Причерноморье скифскими, — по-видимому, отсутствие в них произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, и не вполне еще скифские формы оружия и сбруи. Но в Аржане полностью представлена вся скифская триада

²⁶ Членов а Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. — В кн.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975.

²⁷ Б и д з и л я В. И., Я к о в е н к о Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могины. — Сов. археол., 1974, № 1; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, рис. 7, 9, 17, 24, 82, 83.

²⁸ Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 11; 14, 10—13; 20, 4—7; 56, 2—5; 62, 20.

²⁹ Там же, рис. 5, 6; 6, 11; 10, 3.

³⁰ И е с с е н А. А. Указ. соч., рис. 19.

в хорошо сложившихся формах. Предметы вооружения и сбура здесь еще не раннескифских типов VII—VI вв., а, как и в Причерноморье, несколько отличных форм, которые следует считать начальными формами собственно-скифских типов. Звериный же стиль представлен великолепными образцами изделий из бронзы, кости и камня.

Начальный этап скифской культуры нам теперь стал известен не только в Причерноморье и Туве, его можно видеть и в некоторых других районах степей. Пока очень немногочисленные погребения на Алтае в могильниках Курту II и Усть-Куюм указывают на наличие здесь особого этапа, предшествующего майэмирскому.³¹ В Восточном Казахстане группа погребений VIII—VII вв. до н. э., отличная от памятников тасмолинской культуры, также характеризует особый этап.³²

По установившимся к 1971 г. (начало раскопок Аржана) взглядам, VIII—VII вв. до н. э. — доскифское, или предскифское, время. Но вся бронза Аржана и изобразительное искусство принадлежат формам вполне скифо-сибирского облика (стрелы, кинжалы, чекан, удила, изображения оленя, кабана, «пантеры», горного барана). Значит, в Саяно-Алтае культура скифо-сибирского типа существовала не с VII в. до н. э., а раньше. Еще до этого она уже процветала в Туве. Вероятно, так же было и на Алтае, в Казахстане и Монголии, на что имеются некоторые указания (могильник Курту II на Алтае, оленные камни Монголии). Следует надеяться, что памятники, сходные с памятниками аржанского этапа в Туве, со временем будут найдены в азиатских степях повсеместно.

Памятники VIII—VII вв. до н. э. степей Причерноморья принято считать киммерийскими и называть предскифскими, или доскифскими. Только А. А. Иессен в 1954 г. счел возможным отнести эти памятники (типа Черногоровки и Высокой Могилы) к начальному этапу скифской культуры, не решая вопроса их этнической принадлежности. По вещам они имеют много общего с аржанскими. По аналогии с последними их надо, вслед за Иессеном, включить в состав культур скифского типа, несмотря на отсутствие произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Изобразительное искусство этого времени в Причерноморье нам знакомо мало, но недавняя находка в Болгарии в Птичатой Могиле стелы круга раннескифских изваяний позволяет надеяться, что и другие памятники скифского типа в Причерноморье со временем найдутся, и тогда нам станет известна вся скифская триада.

Общий итог: как в Туве, так и в Причерноморье по всему поясу степей раннескифскому периоду — VII—VI вв. до н. э. — предшествует еще один, более ранний период культуры скифского же (или скифо-сибирского) типа. В Причерноморье это так называемый доскифский период — VIII—VII вв. (по А. А. Иессену — начальный этап скифской культуры), в Туве — аржанский этап; в других районах степей памятники указанного периода известны лишь в единичных случаях или совсем пока не известны. Культуры скифо-сибирского типа слагаются в степях в VIII в. до н. э. и развиваются в общих чертах синхронно на широких территориях пояса степей.

Картину сложения культур скифо-сибирского типа можно представить в следующем виде. Различные прежде по хозяйственному и бытовому укладу степные племена с переходом к кочевому образу жизни приобрели много общих черт культуры, свойственных всем кочевым племенам независимо от района их обитания, исторически сложившихся

³¹ Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. — В кн.: Археол. сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1966, вып. 8; Г р я з н о в М. П. Памятники майэмирского этапа..., с. 13.

³² А р с л а н о в а Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.

форм хозяйственной и социальной жизни. Все они жили летом в легких переносных жилищах или крытых повозках, имели портативную, небьющуюся домашнюю утварь и приспособленную к кочевой жизни одежду, обладали огромными стадами скота, питались преимущественно молоком и мясом. Частые при перекочевках встречи и столкновения племен как мирного, так и военного характера способствовали быстрому распространению на широкие пространства различных культурных приобретений.

Культура ранних кочевников на всем обитаемом ими пространстве была настолько своеобразна и во многих отношениях сходна, что создавалось представление об единой, общей для всех кочевников того времени культуре. Поэтому-то как античные, так и некоторые современные авторы часто называют одним именем вообще всех кочевников.

Древние греки часто называли скифами причерноморских и среднеазиатских кочевников. Персы считали саками не только собственно саков, но и всех других известных им степных кочевников. И современные исследователи нередко пользуются такими терминами, как «саки Алтая», «алтайские скифы», «западноазиатские скифы» и т. п., хотя применение этих терминов нельзя считать удачным, ибо отчетливо выраженные местные отличия различных групп кочевников позволяют изучать конкретную историю отдельных кочевых объединений.

Античные авторы, в первую очередь Геродот, больше всего писали о скифах и савроматах, значительно меньше — о массагетах, саках и исседонах, обитавших в среднеазиатских и западноказахстанских степях, и лишь упоминали о некоторых других легендарных племенах, живших где-то далее на востоке. В течение многих лет в центре внимания археологов находились скифские курганы Причерноморья. Русская археологическая наука начиналась с изучения скифских, а затем и античных древностей южнорусских степей. Были раскопаны богатые царские курганы, накоплен большой материал по своеобразному скифскому изобразительному искусству. В царских курганах найдено также много произведений греческого и иранского искусства, несомненно влиявшего на развитие скифского. Скифское искусство и культура изучались в связи с историей искусства Ирана и Греции. Создавались теории происхождения скифского варварского искусства из стран древних цивилизаций: Ионии, Передней Азии, Ирана.

Памятники скифского времени в районах азиатских степей оставались долгое время неизученными, были не так ярки и выразительны, как скифские памятники Причерноморья. Невольно у исследователей создавалось представление о степях Причерноморья как о некоем центре, очаге сложения и развития культур скифского типа, а об азиатских степях как о далекой периферии, куда достижения в развитии скифских искусства и культуры доходили с запозданием и в измененном виде. До сих пор еще некоторые исследователи поддерживают и развивают теорию о переднеазиатском происхождении скифо-сибирского звериного стиля, о распространении его из Передней Азии далеко на восток, чуть ли не до самого Китая. Между тем в Казахстане, на Алтае, в Туве и Монголии теперь исследовано большое количество курганов ранних кочевников, исторически не менее ценных, чем скифские Причерноморья, иногда исключительно богатых по количеству и разнообразию находимых в них произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Настала пора коренным образом пересмотреть некоторые наши традиционные взгляды на искусство и культуру ранних кочевников Азии как на периферию скифо-сарматского культурного мира. Древние племена азиатских степей были такими же творцами и создателями культур скифо-сибирского типа, как и их современники-скифы. Возможно даже, что в процессе формирования культуры и

искусства скифо-сибирского типа вклад саяно-алтайских племен был более значителен, чем собственно скифов, занимавших далекую периферию древнего кочевого мира.

Материалы Аржана не только в какой-то степени заполняют существующий в наших представлениях пробел, но и позволяют по-новому рассмотреть некоторые основные вопросы скифо-сибирской археологии. Если до раскопок Аржана нижняя дата эпохи ранних кочевников справедливо ограничивалась лишь VII—VI вв. до н. э., то теперь появились данные, позволяющие пересмотреть хронологию и этапы раннего железного века не только Сибири, но и более широкого региона. Аржанские материалы несомненно отодвигают начальную дату эпохи ранних кочевников по меньшей мере на столетие в глубь веков. По нашему мнению, VIII—VII вв. — это не конец эпохи бронзы и не какой-то переходный или самостоятельный этнокультурный период, а начальный этап так называемой скифской эпохи, т. е. эпохи ранних кочевников. Об этом убедительно свидетельствует наличие уже вполне сложившейся скифской триады в материалах Аржана.

Интересны сопоставления памятников аржанского этапа с памятниками Северного Причерноморья. В последнем скифская эпоха также начинается с раннескифского времени — VII—VI вв. до н. э. Однако в 70-е годы все определеннее выявляется характерная группа курганов и могил VIII—VII вв. Исследователи называют их то киммерийскими, то предскифскими, не решаясь, видимо, причислить к скифским, хотя еще более 20 лет тому назад А. А. Иессен заявил, «что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений скифских племенных вождей».³³ Вслед за Иессеном и мы этап VIII—VII вв. в Северном Причерноморье, характеризуемый памятниками типа Черногоровки, Высокой Могилой и др., будем считать и называть начальным в развитии скифской культуры Северного Причерноморья, а аржанский в Туве — начальным в развитии культуры ранних кочевников Саяно-Алтая.

Как уже отмечалось, значительная часть вещей аржанских комплексов имеет многие аналогии именно в памятниках VIII—VII вв. до н. э. Северного Причерноморья, а не в каких-то других.³⁴ В этом отношении особенно интересна наша коллекция разнообразных уздечных бляшек из клыков кабана, найденных в камере 266. Аналогии разным их вариантам находятся в погребениях Веселой Долины, Ново-Луганском и др. Следовательно, датировка аржанских комплексов примерно VIII—VII вв. устанавливается исходя из сопоставления их как с памятниками ранних кочевников Тувы и Саяно-Алтая, так и с памятниками степей Причерноморья.

Принятие указанной нами даты Аржана влечет за собой весьма серьезные последствия, ведь пока в литературе общепризнано, что скифская культура в Причерноморье и вообще культуры скифо-сибирского типа сложились не ранее VII в. до н. э. Памятники VIII—VII вв. до н. э. в Причерноморье пока называют предскифскими, а не скифскими. Основным препятствием для признания их скифскими служит, по-видимому, отсутствие в них произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Один из наших крупнейших знатоков культур скифского круга, М. И. Артамонов, в своих последних исследованиях развивал идеи о том, что скифская культура и изобразительное искусство выработались у скифов не ранее начала VI в. до н. э., во

³³ Иессен А. А. Указ. соч., с. 109.

³⁴ Грязнов М. П., Маннай-ооп М. Х. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени. — Учен. зап. Тув. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и ист., 1973, вып. 16, с. 204 ел.

время легендарного пребывания их в Передней Азии, и лишь после 585 г. со сложившейся у них на чужбине новой культурой они возвратились в степи Причерноморья. Только после 585 г. в Евразии стала развиваться и распространяться скифская культура, а «до этого здесь были распространены формы, имеющие мало общего с этой культурой».³⁵ Посему и Аржан он был склонен относить к VI в. до н. э., считая, что формы изделий, выполненных в зверином стиле, возникая в Передней Азии в конце VII в., «быстро доходили до самых отдаленных окраин распространения скифо-сибирского искусства звериного стиля».³⁶ Значит, для Саяно-Алтая Артамонов допускал несколько более раннюю дату появления элементов скифской культуры, чем в самой стране скифов. Но ведь Аржан являет нам не только элементы скифо-сибирского искусства. В нем представлена полностью вся скифская триада в хорошо сложившихся выработанных формах, хотя предметы вооружения и сруи еще не раннескифских типов (VII—VI вв.), а, как и в Северном Причерноморье, несколько отличных форм, которые можно отнести к начальным формам собственно-скифских типов.

После того как в степях Причерноморья стало известно теперь уже довольно значительное число так называемых предскифских предметов вооружения и сруи VIII—VII вв. до н. э., а в Туве, кроме того, еще и произведений изобразительного искусства, вряд ли можно выводить скифские культуру и искусство из Передней Азии. Одним из источников для подобных построений была известная находка в Иране «клада в Зивие», датируемого рубежом VII—VI вв., т. е. временем, более поздним, чем памятники аржанского этапа и причерноморские типа Черногоровки. Следовательно, основной аргумент в пользу иранского происхождения культур скифо-сибирского типа отпадает.

Вопрос о происхождении и формировании скифо-сибирских культур необходимо решать заново, учитывая новые материалы, в числе которых Аржан должен играть значительную роль. Нужно, видимо, откинуть при этом мысль, что скифо-сибирские культуры во всем своем многообразии и самобытности, а также в единстве могли однажды где-то зародиться, а затем в готовом виде распространиться по необъятным просторам пояса степей. Это безусловно был сложный процесс, единый на огромной территории.

В связи с переходом населения степей к кочевому и полукочевому скотоводству несомненно происходили более или менее значительные перемещения народных масс. Имели место завоевания, переселения, истребление одних этнических групп и быстрый рост других, процессы ассимиляции, культурных заимствований и т. д. Но ни это определяло основное направление прогресса в экономике и культуре степных племен и народов того времени.

Переход к новой экономике был стимулом к развитию новых прогрессивных форм хозяйства и культуры, к отказу от старых форм. Отличия эпохальные в это время были более значительны, чем этнические, и нам трудно теперь уловить, какие группы населения куда переселялись, кто, откуда и что заимствовал. Нам ясно лишь, что на обширных просторах степной полосы Евразии начиная с VIII в. до н. э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа. Но каждая из них вполне самобытна и оригинальна, имеет свое особое историческое прошлое, особые условия существования. При широком межплеменном обмене, осуществляемом как мирным путем, так и путем войн и грабительских набегов, отдельные культур-

³⁵ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966, с. 13.

³⁶ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 84.

ные приобретения того или иного племени получают всеобщее распространение.

Наша задача сейчас не в том, чтобы искать какого-то гипотетичного предка, родоначальника всех скифов, саков, массагетов и других племен и народов, а в том, чтобы изучать и определять роль в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы. Мы должны изучать историю развития культуры кочевых племен отдельно взятых районов (будь то пазырыкские племена Алтая или скифы Северного Причерноморья, саки Средней Азии или аржанские племена Тувы) не изолированно от других, близких и далеких кочевых объединений, а обязательно в общей их связи с историей всего кочевого мира в целом.

ДОПОЛНЕНИЕ

Просматривая вновь археологические материалы по ранним кочевникам Казахстана, автор неожиданно обнаружил большие серии памятников аржано-киммерийского времени и типа. Памятники эти хорошо всем известны как сакские раннескифского времени (VII—VI или VII—V вв. до н. э.). Их датировка и историческая интерпретация до сих пор никем, в том числе и автором, не оспаривались. Это могильники Уйгарак и Тагискен в Приаралье, Тасмола и другие могильники Центрального Казахстана, некоторые комплексы Семиречья и Памира, давшие в целом богатый и выразительный археологический материал. Оказалось, что этим памятникам нет убедительных аналогий в раннескифских курганах Причерноморья. Они принадлежат своеобразным, самобытным культурам и содержат в себе архаичные («дораннескифские») формы узды и стрел и характерные для «предскифского» времени в Северном Причерноморье трехжелобчатые бляшки, знаки-орнаменты в виде ромба в круге, пятибляшечные подковообразные накладки, спиралевидные узоры.

Следовательно, высказанная выше (с. 56) надежда, что памятники аржано-черногоровского типа будут найдены повсеместно в степях Евразии, уже сбылась, а предположение, что культуры скифо-сибирского типа формировались по всему поясу степей, уже оправдалось. Теперь с полной уверенностью можно говорить об едином процессе сложения и развития скифо-сибирских культур на их начальном этапе — в VIII—VII вв. до н.э. (а может быть, IX—VII вв.?) — в степях от Дуная до Китая.

В степях Украины, в Приазовье, Предкавказье, Приаралье, на Памире, в Семиречье, Центральном и Восточном Казахстане, на Алтае и Верхней Оби, в Туве, Минусинской котловине и Забайкалье этот период нам известен по погребальным и некоторым другим памятникам. В Монголии мы его знаем по многочисленным оленным камням и петроглифам, а на далеком Востоке, в Ордосе — по случайным находкам бронзовых изделий. Назовем этот период начальной, аржано-черногоровской фазой развития скифо-сибирских культур, которые могут теперь повсеместно изучаться и в их единстве, и одновременно в своеобразии отдельных вариантов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Археологические памятники в долине р. Уюк ...	3
Курган Аржан до раскопок и его раскопки	5
Могильное сооружение.....	9
Могила «царя» .....>.....	15
Захоронения коней	25
Каменные кольца вокруг кургана	44
Погребальный обряд	45
Датировка и историко-культурная принадлежность	50
Дополнение	61

Михаил Петрович Г р я з н о в

АРЖАН
ЦАРСКИЙ КУРГАН
РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочев*р Художник *М.
И. Разуле*вич Технический редактор *Л. М.
Семенова* Корректор *Г. А. Александрова*

ИБ № 9107

Сдано в набор 07.05.80. Подписано к печати 22.10.80. М-38996.
Формат 70 X108¹/₃₂. Бумага типографская №2. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 4 +2 вкл. (1¹/₂ печ. л.)=7.30
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6.18. Тираж 4100. Изд. №7555. Тип. зак.
1410. Цена 70 к.

Издательство «Наука» Ленинградское отделение 199164,
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12